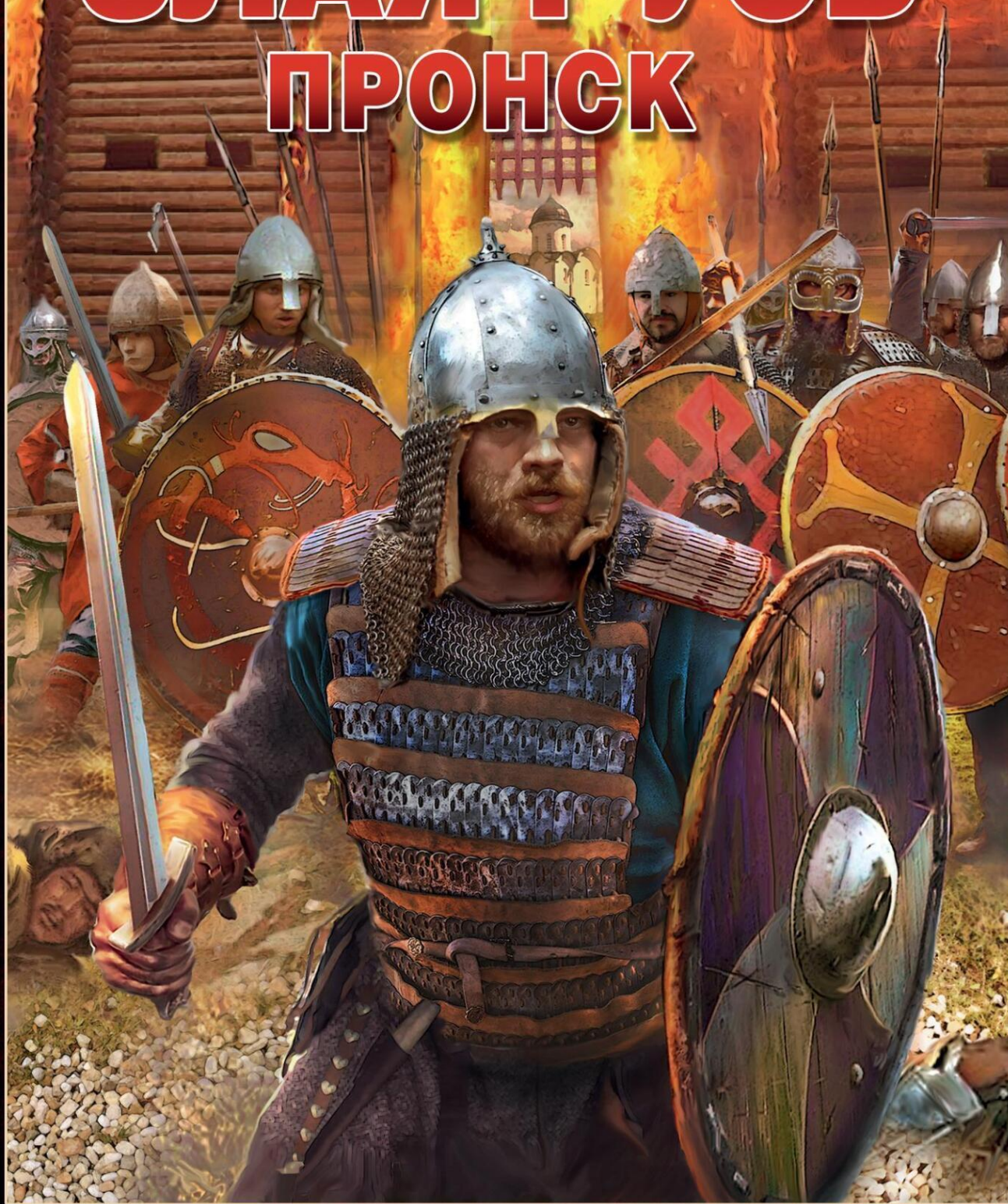

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗЛАЯ РУСЬ ПРОНСК

ДАНИИЛ КАЛИНИН

Военная боевая фантастика

Даниил Калинин

Злая Русь. Пронск

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калинин Д. С.

Злая Русь. Пронск / Д. С. Калинин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-152855-3

Первая часть плана Егора сработала: с горсткой дружинников ему удалось замедлить орду, дав возможность жителям поселений по реке Проне спрятаться в заранее подготовленных зимовках. Но сжечь монгольские пороки и истребить китайских инженеров пока не удалось... А главное, куда отправится Егор со своим отрядом, когда орда разделится и часть ее останется осаждать Пронск? К столице княжества, где и решится судьба вторжения? Или же молодой воин последует за своим сердцем, на выручку к княжне Пронской Ростиславе?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-152855-3

© Калинин Д. С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Даниил Сергеевич Калинин

Злая Русь. Пронск

© Даниил Калинин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

В тяжелом волнительном ожидании прошла ночь, за время которой воевода Ратибор ухватил урывками лишь пару часов сна. Вроде и подготовил он крепость к защите, а как явился под стены Ижеславца враг, так сразу появились большие и малые дела, требующие его срочного присутствия. То сотенный голова куда-то запропал – оказалось, помутился рассудком: казалось бы, надежный старший дружинник, но при виде тянущейся по льду Прони колонны татар пытался уйти подземным ходом... То вдруг часть лошадей потребовалось срочно переподковать, а пара оставшихся в крепости кузнецов решились присоединиться к ополчению да тайком прибились к сотням. Ведь понятно же, что подобным им мастерам не место на стенах, они нужнее в кузнях! Но нет, не стерпела широкая душа русичей, решили, что и им должно встретить врага лицом к лицу... Но, пожалуй, на самом деле Ратибору стало просто очень страшно из-за многолюдства огромной орды – страшно за семью, ушедшую в Рязань, да за княжью рать, что обязательно погибнет, коли встретит врага в чистом поле!

Страшно за себя, потому как стойкая вера в неприступность крепости покинула воеводу...

И все же утро Ратибор, внимательно следящий за приближающимся к внешним стенам детинца врагом, встретил уже без страха, в горячей молитве к Господу найдя успокоение и надежду. Воевода ведь должен вселять в ратников уверенность в победе! Должен уметь зажечь их, вдохновив в ключевой момент сечи, когда колеблется чаша весов боя! А потому Ратибор очень старался явить окружающим его воям спокойствие и уверенность в себе, хотя бы внешне. Впрочем, он не лукавил, чувства его действительно притупились: сказалась усталость от бессонной ночи и изъедающих душу волнений, да и молитва крепко помогла...

Но в тоже время воевода с горечью и разочарованием отметил, что враг атакует вполне грамотно, причем враг многочисленный и очень сильный. Да, большая часть орды прошла мимо Ижеславца, но под стенами града Батый оставил не менее двадцати тысяч воев – хватит не только для того, чтобы намертво запереть защитников в детинце, но и взять его на меч, пусть даже завалив рвы трупами павших!

Да только терять людей попросту вождь поганых как раз и не собирается, построив не менее половины своей рати в три штурмующие колонны – напротив трех ворот града. Лестниц Ратибор у татар не увидел вообще, зато разглядел плотные вязанки хвороста, туго перехваченные веревками и сжимаемые в руках сотнями нехристей, стоящих впереди. Также воевода недовольно скрипнул зубами, заметив широкие штурмовые щиты – их сложно было бы не заметить! Грубо сбитые из досок и тонких стволов молодых деревьев, эти щиты представляли собой что-то вроде переносных заборол шириной в три-четыре шага и высотой в полтора человеческих роста. Нести его перед собой способен человек пять, не меньше, но подобный «щит» служит отличным укрытием для лучников – благодаря небольшому наклону он целиком защищает прячущихся за ним воев от стрельбы со стен!

Покачав головой, воевода уважительно выругался, помянув вражеского начальника: тот еще до штурма сумел определить сильные и слабые стороны детинца, рубленного тарасами. И вместо того чтобы терять ратников, безрезультатно атакуя по всему обводу стен (людей бы хватило!) или хотя бы на одном участке, он сосредоточил свои силы только напротив ворот. И это ведь притом, что русичи никак не могут увеличить число ведущих бой лучников в гроднях, примыкающих к надвратным башням. Не могут из-за узости бойниц и равномерного их распределения по всей стене!

А судя по подготовленным штурмовым щитам и запасенным вязанкам хвороста, враг хорошо понимает, что должен делать, и очевидно рассчитывает взять Ижеславец первым же штурмом...

Но это мы еще посмотрим!

Внутренне приободрив самого себя, Ратибор зычно воскликнул:

– Воев с составными луками всех к воротам! Свободные полусотни, к воротам!

Побежали порученцы к лошадям, поскакали вдоль стен, передавая наказ воеводы. А со стороны врага меж тем вдруг взыграл рев десятков боевых рогов, ударили барабаны – и огромная масса поганых неспешно покатила к стене, заставив сердца защитников града болезненно жаться от недоброго предчувствия...

– Быстрее, быстрее! Лучники, становитесь у гродней, что к башне примыкают!!!

Расчет воеводы прост: составные луки ратников достаточно сильны, чтобы стрела, пущенная из них, перелетела стену – благо, что с внутренней стороны вал достаточно широк, и от тарасов до кромки у крутого спуска места хватает сразу для трех воев... Вскоре свободное пространство на узкой полоске земли вдоль стен стало заполняться спешащими к воротам дружинниками, в то время как вои, вставшие у бойниц, уже принялись отправлять в приближающегося врага срезни.

– По одному лучнику с каждой стороны, пускайте стрелы вверх так, чтобы они упали прямо напротив ворот!

Прежде чем враг начал бы засыпать ров, стоило хоть немного пристреляться, что Ратибор и попытался организовать. Мгновение спустя после его приказа вверх взмыло два срезня, и, перелетев двухскатную крышу, они отвесно упали в ров на довольно значительном расстоянии от разобранного ныне мостка.

– По правую руку – на три пальца влево бери! По левую – на четыре!

Сам неплохой лучник (по крайней мере, в прошлом), укрывшийся в шатре воротной башни воевода сумел дать практически точную поправку на стрельбу – в этот раз перелетевшие стену срезни упали в ров гораздо ближе к месту расположения мостка. Довольно кивнув, Ратибор зычно воскликнул:

– Еще на палец сместите – и будет точно. Остальные, равняйтесь на соратников да бейте по моему указу!

Ворог меж тем подошел уже довольно близко к детинцу. Потеряв нескольких человек от меткой и плотной стрельбы из бойниц, поганые, несшие толстые вязанки хвороста, теперь закрылись ими, словно щитами. А несущие штурмовые заборолы вои остановились шагов примерно за семьдесят от стены, и спустя всего несколько ударов сердца уже со стороны нехристей-агарян в воздух взмыла целая туча срезней...

Настоящий ливень оперенной смерти ударил по боевой площадке крепости, но лишь несколько половецких и мокшанских стрел влетело в бойницы, ранив пяток дружинников, чьи места тут же заняли новые лучники. Полетели в ответ и русские «гостинцы»! Но мало их, всего сорок лучников могут одновременно бить с башни и примыкающих к ней гродней по относительно узкой вражеской колонне. Да и их срезни ударили в заборолу поганых да настоящую стену щитов, коей укрыли вороги своих стрелков...

– Не частите! Уйдите от бойниц и ждите моей команды! – кричит воевода во всю мощь легких, стараясь, чтобы слышали на стенах его голос.

Передают его слова верные мужи соратникам. Отпрянули вои от бойниц, и во второй раз град вражеских срезней не причинил вреда русичам. А воевода уж шумит:

– Приготовились!!!

Не так велика длина гродней, защитники которых сражаются с ворогом, услышали они Ратибора и тут же вернулись к бойницам, натянув тетивы. А воевода напряженно замер, слыша в ушах стук собственного сердца и с нетерпением ожидая, когда разомкнутся, опустятся щиты половец, мокшан да хорезмийцев, открывая их лучников... И только он это заметил, как тут же зычно воскликнул:

– Бей!!!

Полетели стрелы русичей со стены, ударили дружно в нехристей, вскинувших луки, – есть павшие! Закричали раненые поганые, но меж тем уже бежит ко рву толпа агарян, сжимая в руках вязанки с хворостом... Ратибор отступил назад, прильнул к бойнице, обращенной внутрь детинца, закричал что есть силы:

– Стреляйте, да берите чуть выше – на два пальца!

Мгновение спустя воспарил вверх смертный рой, перелетев через стену... Не менее половины срезней бесцельно рухнули в ров, но оставшиеся ударили во врага, уже забрасывающего препятствие перед собой тугими вязанками. И хотя только четверть стрел нашли цели, рая поганых в руки, ноги да животы (оставшиеся же ударили в щиты, или хворост, или в землю впились), да взвыли вороги громко, отчаянно! И визг этот стал лучшим лекарством для истерзанной волнением души воеводы – бьется Ижеславец, непросто будет ворогу его взять!

... Не менее получаса длится яростная схватка, множатся потери с обеих сторон. Поганые пристрелялись к бойницам и метко, часто бьют по ним, укрываясь за заборами да щитами соратников. Но и со стен стрельба не стихает – составные луки павших ратников берут в руки свежие вои, стремящиеся вступить в схватку с ворогом, а стрелков за стеной татарские срезни и вовсе не достают. Меж тем десятка три, а то и четыре агарян, кто забрасывал ров вязанками хвороста, уже сами покоятся на его дне! Впрочем, тела своих убитых нехристи и сами бросают на стремительно растущий у ворот перешеек, что с минуты на минуту свяжет оба берега рва – и тогда штурмующие подступят уже к самым створкам... Охрип воевода, выкрикивая команды и бодря воев, уже дважды вражеские стрелы, залетевшие в бойницы, с силой били Ратибора в прочную дощатую броню, но пока что силы небесные берегли воя от ран и смерти...

Наконец хворост заполнил ров вровень – и тут же хлынул вперед отряд крепких воев, облаченных в кольчуги да поднявших щиты над головами.

– С броневойными и долотовидными наконечниками – бей!!!

В очередной раз по команде воеводы лучники со двора детинца ударили по ворогу – ныне они уже хорошо пристрелялись к насыпному перешейку. Взмыл в воздух град стрел, что с легкостью раскалывают деревянные щиты и могут проломить сталь шелома, что прошивают кольчуги, и не менее полутора десятков ворогов пало под ноги соратников да свалилось в ров...

И вновь вскричал громогласно Ратибор, видя, что расстроились ряды поганых, что второй залп соберет большую дань смерти:

– Бей!!!

Град из не менее чем сотни стрел вновь ударил в следующих по насыпи татар, забрав жизни двух дюжин поганых! Но бегущие впереди татары уже достигли ворот, и в створки полетели горшки – горшки с горячим земляным маслом!

Первый, второй, третий... Четвертый и пятый ударили в пламя горючей смеси, уже наполовину охватившее воротины, с некоторым запозданием, но как же ярко вспыхнул огонь, когда содержимое горшков густо растеклось по дереву!

Воевода в ужасе замер, глядя как огонь ползет вверх по башне: еще немного ведь – и перекинется со створок на шатер! Но всего несколько ударов сердца спустя он принял, на первый взгляд, совершенно неправильное, но по сути своей крайне смелое и дерзкое решение:

– Открыть ворота!!!

Сотенный голова Славен, кому поручено было защищать башню и не пустить врага в крепость, от удивления выпучил глаза, но Ратибор взревел буквально по-медвежьи:

– Я знаю, что делаю! Открыть ворота!!!

Поганые только успели отступить по перешейку к противоположной стороне рва, когда перед их ошарашенными взглядами раскрылись объятые все выше поднимающимся пламенем створки ворот! На несколько мгновений татар охватило замешательство, ибо все происходящее показалось им хитростью урусов, ловушкой... Только непонятно было, в чем заключается подвох. Но затем десятники из числа монголов, увидев удобную возможность отличиться,

яростно закричали и погнали вперед отборных воев мокши и половцев, переданных им в подчинение. И последние, уже приученные к тому, что десятников требуется слушаться беспрекословно, побежали к раскрытым воротам в башне урусов, бодря себя яростными криками и в душе надеясь на двойную долю добычи...

Их не встретил даже привычный град стрел – воевода приказал своим лучникам переждать немного. Но вот когда первые поганые, бегущие в плотной толпе, уже практически добежали до прохода, воевода бешено закричал:

– Лей!!!

Дружинники давно разогрели в чане горячее льняное масло, а после им еще долго пришлось поддерживать огонь под ним, ожидая, когда же, наконец, Ратибор прикажет лить его на головы штурмующим! И вот, дождавшись отмашки воеводы, они подняли чан к бойнице, а после опрокинули его содержимое вниз! На головы бегущим татарам, дико взывшим от боли... И уже совершенно по-звериному заоравшим, когда горячая жидкость, попавшая на вязанки хвороста, мгновенно вспыхнула под их ногами!

А все дело в том, что с ворот вниз стекло немного земляного масла из разбитых татарами горшков, образовав небольшие очаги пламени. И именно на них теперь густо хлынуло масло льняное, мгновенно и ярко вспыхнув!

Испуганно отпрянули поганые, подались назад, в оцепенении взирая на корчащиеся на дне рва, объятые пламенем фигуры соратников, свалившихся с перешейка вниз. Вроде и немного их погибло, не более десятка, однако же сама смерть их была страшна, вселив суеверный ужас в сердца нехристей... И еще не успели прийти в себя агаряне, как очередной град стрел хлестнул по их рядам, калеча и убивая поганых...

У Набатной башни, где и стоял Ратибор, первый штурм был отбит. Хворост, обильно политый маслом, весело пылал, и будет пылать еще долго! Да, теперь пламя уже не утихнет, покуда не сожрет весь перешеек, отрезав крепость от татар... Правда, отныне нет и воротных створок. Но довольно узкий проем вполне можно закрыть рогатками или даже вкопать в землю надолбы – склоненные в сторону врага заостренные колья. К тому же воевода еще не воспользовался телегами с камнем, не бросил в бой он и тяжелых пещцев, защитников врат!

Да уж, немало крови придется пролить поганым, покуда будут они пробиваться здесь в Ижеславец...

Но как только отвел взгляд воевода от поля, где двинулась понемногу назад тьма поганых, да обратил глаза свои во двор крепости, так заледенело его сердце от ужаса: дальняя, Стрененская воротная башня полыхала по самую маковку шатра, словно огромная свеча...

Глава 1

Сотенный голова Еремей, защищающий Стрененскую башню, отдал приказ вылить масло вниз, на перешеек из хвороста, чуть раньше воеводы. Он хотел защитить ворота от тарана – именно так он понял рывок нехристей к башне: мол, поганые поднимут щиты над головами, образовав по центру этакий защищенный проход. И потому дождался, пока бегущие впереди вороги окажутся у самых створок, в надежде, что масло попадет на их головы. А после можно будет уже и зажечь горючую жидкость вместе с перешейком...

Но по роковой случайности именно в тот миг, когда защитники града начали переворачивать чан, выливая его содержимое на татар, последние разбили горшки с земляным маслом о створки! И тогда уже льняное мгновенно вспыхнуло от пламенного цветка, расцветшего на воротах... Огонь моментально перекинулся на саму башню, заставив дружинников в ужасе отпрянуть от бойниц, а нехристи, хоть несколько их соратников и погибли от «жидкого» огня, восторженно взвыли, одновременно с тем попятившись назад. Теперь им оставалось лишь дожидаться, когда огонь истончит дерево ворот и их можно будет разбить с двух-трех ударов... Увы, опорожнить чан до конца ратники не успели, а большая часть вылитой вниз жидкости в итоге попала на саму башню да подпитала и так уже бушующее внизу пламя. На перешеек попала лишь малая часть горючей смеси, и та накрыла татар, от боли и ужаса спрыгнувших с наваленной дамбы в ров! А вот перешеек уцелел – небольшие островки огня просто не успели превратиться в настоящий пожар.

И в тот самый миг, когда воевода Ратибор подлетел на взмыленном коне к Стрененской башне, на штурм ее пошла колонна татар, тянущих на канатах толстый древесный ствол, срубленный этой ночью...

Не слушая никого, Ратибор буквально взлетел по сходням вверх, на боевую площадку гродни, примыкающей к горячей башне. И тут же отрывисто закричал, обращаясь к столпившимся за стеной лучникам:

– Идут поганые! По моей команде...

Выждав всего несколько мгновений, покуда агаряне с тараном не вступят уже на перешеек, он отрывисто воскликнул:

– Бей!!!

Полетел из-за стены град русских стрел, хлестнул по следующим впереди татарам! Но те густо обступили таран, подняв над головами щиты, и редкие стрелы нашли свою цель. А кого и ранили, выбили из плотной цепи, так тех без сожаления спихнули вниз, а место их заняли новые нехристи, и таран продолжил движение к обуглившимся и заметно ослабевшим воротам.

– Бей!

Обрушился на врага очередной град стрел, на который агаряне никак не смогли ответить. Не перелетит стену пущенный поганым срезень так, чтобы упасть отвесно вниз, поразив лучника русичей у самой подошвы гродни! Впрочем, татары во множестве бьют по орусутам, стреляют из тугих составных луков по бойницам, посылают оперенную смерть через стену в расчете, что кого-то достанут... На двадцать шагов от вала земля густо покрыта стрелами нехристей! Но ни одна из них еще не нашла своей жертвы, зато после боя их соберут, починят, если нужно, да раздадут своим лучникам защитники Ижеславца!

Однако же, несмотря на потери, татары уже подступили к воротам и принялись их ломать, за каждый удар расплачиваясь двумя-тремя жизнями своих воев... Но уже хрустят истончившиеся створки, уже готовы они распасться под напором нехристей! Впрочем, внимательно ждет этого мига и сам воевода...

Вот наконец с оглушительным треском распахнулись ворота Стрененской башни, и поднялся со стороны поганых восторженный вопль:

– Хурррра-а-а-а!!!

И бросились татары вперед, желая скорее уже ворваться в град орусутов да отомстить им за все подлые нападения последних дней, за собственную беспомощность, за гибель темника Бури, ведь после его убийства монголы казнили несколько сотен мокшан и даже тургаудов!

– Давай!!!

Не успели добежать поганые до выхода из башни, русичи разом пустили в проход две телеги, груженные камнями. Не зря воевода приказал до поры спрятать их да снять часть грунта в проходе, чтобы появился уклон! Покатились телеги вниз, а сзади их дружинники за дышла подтолкнули... Затормозили, замерли поганые, так спешащие вперед, а после дернулись было бежать назад, да уперлись в воев, еще не разглядевших опасности! Создалась в проходе давка, куча-мала из двух встречных людских волн, и в эту самую толчею татар врезались обе телеги... Прикрепленные к ним копыя пробили тела сразу нескольких человек, покуда повозки с камнем окончательно не встали. После чего защитники крепости с усилием перевернули их – одну, а после вторую, закупорив проход двойной преградой. Наконец прозвучал крик Еремея – и полусотня защитников врат встала за преградой, воткнув в землю острые окончания ростовых червленых щитов и склонив к врагу тяжелые копыя...

Поганые, понесшие потери и обескураженные внезапной атакой орусутов, вскоре, впрочем, пришли в себя. Точнее, их привели в чувство истошные крики монголов-десятников, обещавших скорую расправу тем, кто струсит! Отборные вои мокши, половцев и хорезмийцев тумена павшего Бури неудержимо полезли вперед, перебираясь через перевернутые набок телеги, придавленные камнями, но ни один из них не сумел преодолеть сей преграды... Пронзенные стремительными и точными уколами тяжелых рогатин, вскоре уже два десятка татар устлали своими телами землю, превращаясь в новое препятствие для своих соратников!

Однако же тот, кто вел штурм, не собирался терять своих воев понапрасну, жертвуя ими лишь для того, чтобы создать из тел собственных ратников непреодолимый вал... Напор татар ненадолго ослаб, но это было затишье перед бурей! Ибо вскоре в стену щитов русичей полетели вдруг горшки с земляным маслом...

Вспыхнуло пламя на щитах, шлемах и кольчугах дружинников, шарахнулись они назад, охваченные первобытным страхом перед пожирающим плоть огнем, сломали строй, возопив от боли и ужаса! А мгновение спустя в ряды защитников башни ударил убийственный град стрел, спущенных с тетив композитных луков... И на близком расстоянии даже срезни степняков прошли русские кольчуги – погибло не менее полутора десятков русичей! А прежде чем их соратники прошли бы вперед да встретили врага, порядка двух дюжин поганых уже миновали телеги и бросились на дружинников, рубя по пути тех, кто еще метался, опаленный жидким огнем, или же корчился на земле, раненный стрелой...

Татары устремились на ратников столь резво, что последние не успели воспользоваться длинными копыями, подпустив врага вплотную к щитам, и на них обрушились яростные, стремительные удары сабель, палашей, булав! Столь губительные для агарян рогатины вблизи оказались бесполезны, и дружинники поневоле сломали строй. Ибо кто-то попятился, желая отступить назад и уже после уколоть копьём, вновь отогнав им врага, а иные, наоборот, выпустили из рук древки рогатин и схватились за собственные секиры да мечи... В стене щитов появились бреши, в кои тут же устремились нехристи, а стрелки поганых встали уже на вторую телегу и принялись бить в русичей через головы соратников! А на помощь бешено рубящимся в первых рядах покоренным десятичники-монголы уже гонят новых воев, обещая трусам смерть, а иные же татары спешно разбирают преграду у первой телеги...

Ратибор хотел было бросить в бой три сотни ополченцев из числа тех, кто подступил к воротам, но покуда держался на расстоянии от стен, избегая перелетающих гродни срезней татар. Но его крепко смутила горящая башня – казалось, что еще чуть-чуть, и пылающие бревна рухнут на головы тех, кто бьется в проходе! Огонь уже начал перекидываться на стены,

но его пока успешно сбивают запасенной в кадках питьевой водой дружинники... Болезненно защемило сердце воеводы, но посылать подкрепление на помощь вставшим насмерть ратникам он не стал.

А два десятка уцелевших воев из полусотенного отряда воротной стражи все еще бешено рубятся с ворогом в проходе, задорого продавая свои жизни! Побросав копья, они уже поголовно схватились за секиры и в каждый удар их вкладывают всю ярость к степнякам, всю боль за разлуку с любимыми и страх за них! И за каждого павшего русичи забирают жизнь как минимум двух татар...

Однако воевода уже увидел, как поганые вытащили из ворот и скинули в ров остатки разбитых телег и целый ворох камня, а также тела тех, кто успел погибнуть в яростной сече. Также увидел Ратибор, как сквозь ряды татар следует вперед многочисленный отряд всадников – сотни три, не меньше. Это были тургауды Бури – телохранители чингизида, закованные в дощатые брони с ног до головы; даже их лошади защищены доспехом! Они следуют вперед безмолвно, обесчещенные и униженные убийством господина, подвергшиеся показательной казни своих соратников, монголы знают, что у них нет иного пути. Только вперед! Только победа! Или же славная смерть в бою...

Ратибор бросил напряженный взгляд на горящую башню, что вот-вот должна обрушиться, но пока держится каким-то чудом, хоть и пылает в полный рост. Затем обратил глаза на все быстрее приближающихся ко рву тургаудов и, прижав ко рту боевой рог, трижды гулко в него протрубил! После чего бросился со стены вниз, спеша вскочить в седло верного жеребца...

По условному сигналу воеводы бодро порысили к Стрененской башне три сотни конных дружинников, дежурящих у врат внутреннего детинца. С каждым ударом сердца они набирают ход, в то время как татары наконец выдавили из прохода в башне последних ее защитников! Но вместо того чтобы броситься вперед, они поспешили как можно скорее расступиться, растечься по сторонам, дав дорогу бронированным монгольским всадникам... Атака последних разматывает жалкие сотни ополченцев орусотов, и тургауды одним ударом достигнут внутренней крепости!

Еще не увидели поганые тяжелых витязей Белгорода и Ижеславца, самых лучших воев крепостей, много раз встававших на пути степных разбойников! Поголовно кольчужные, а кто и в чешуйчатой или дощатой броне, с тяжелыми кавалерийскими рогатинами и ростовыми червлеными щитами, в шеломах, нередко защищающих лицо искусно выкованными стальными личинами, русские гриди ничем не уступают телохранителям ханов! На скаку перестраиваясь клином, дружинники перешли уже на тяжелый галоп, спеша к воротам. И, склонив копья, они на полном скаку врезались в плотную колонну монгольских всадников, только-только миновавших башню!

Громкий треск ломающихся копейных древков, истошное ржание раненых жеребцов, отчаянные вопли тех, кого таранные удары русских рогатин вышибли из седла или же пробрили насквозь, – и первые ряды тургаудов оказались истреблены в считанные мгновения! Ибо монгольские скакуны оказались ниже русских боевых жеребцов, а копья вороги держали обеими руками, повесив щиты за спины или набок, приторочив их к седлу... В итоге даже такая крепкая броня, как «худесуту хуяг», не смогла защитить ханских телохранителей, и, пятась под напором русичей, они смогли остановить их лишь в узком проходе воротной башни.

Но схватка всадников так и не успела перерасти в кровавую сшибку с безумной жестокостью убивающих друг друга людей. Страшно затрещали горящие тесаные бревна русской крепости, и, словно мстя за свою гибель в огне, обрушилась Стрененская башня на поганых, в ужасе возопивших, когда на головы их рухнули сотни пудов охваченного пламенем дерева, разом похоронив не менее трех десятков всадников да заставив других испуганно шархнуться назад по перешейку... Но прежде чем они бы отступили, в последний раз стегнул по спинам агарян град русских стрел, вырвав несколько жизней поганых!

Атака была отбита что у Набатной, что у Стрененской башни... А разумнее всех поступил сотенный голова Добрыня, защищающий Пронскую воротную башню. Ибо он приказал вылить масло на насыпной перешеек и поджечь его еще до того, как тот вырос бы до ворот и позволил бы татарам к ним приблизиться!

Немалыми потерями защитников обернулся первый штурм: в одних только перестрелках с лучниками мокши да половцев русичи потеряли около сотни воев. Целиком погибла полусотня воротной стражи Стрененской башни, да полтора десятка гридей пало от встречных уколов монгольских копий с захватами-крюками... Но число павших поганых было по всем прикидкам раза в четыре, а то и в пять больше! И, пожалуй, это было единственным, что согревало ныне душу воеводы...

Глава 2

Время, что оказалось в распоряжении воеводы, Ратибор постарался потратить с умом. Всех раненых воев доставили в детинец, где монахи и священники оказали последним не только духовную, но и телесную помощь – многие батюшки по совместительству занимаются врачеванием. Были собраны все более-менее пригодные к бою стрелы, а оружие и броню павших воев (так же, как и трофеи с поганых) раздали между дружинниками и ополченцами. Проход в Набатной башне перегородили рогатками, а за сожженной и обвалившейся Стрененской башней в землю спешно принялись вкапывать надолбы. Погибших русичей освободившиеся вои принялись спешно закапывать в одной из заранее вырытых ям, тела же татар просто сбросили в ров... И возиться с ними долго, и для устрашения штурмующих: мол, смотрите, вот она, ваша судьба! Уже заждалась...

Впрочем, длительной передышки агаряне защитникам Ижеславца не дали. Отступив после неудачи тургаудов, нехристи вскоре перегруппировались и уже двумя колоннами двинулись к крепости, в этот раз держа в руках лестницы.

Увидев их, Ратибор успел даже обрадоваться! Ведь если противник решится полезть на стену, то умоется большой кровью без видимого результата – это же очевидно! Но, увы, воевода довольно скоро понял, что ошибся... Приближаясь к крепости, враг даже не попытался перестроиться и охватить полукольцом более широкий участок стены, нет! Вместо этого татары вновь подтащили ко рву напротив ворот несколько заборол. И, укрываясь за ними так же, как и за щитами соратников, многочисленные лучники половцев, мокшан и самих монголов вступили в перестрелку с русичами, пока что бьющими по врагу лишь из гродней, примыкающих к башне.

Очевидно, военачальник агарян по-прежнему не собирается терять своих воев понапрасну – по крайней мере, сейчас татары несут потери немногим большие, чем защитники града!

Впрочем, все изменилось, когда ворог двинулся на штурм. Спуская в ров лестницы с закрепленными на них сверху стальными крючьями, поганые принялись спешно спускаться вниз, что не укрылось от напряженно следящего за атакующими Ратибора. Выждав всего несколько мгновений и дождавшись, пока число нехристей на дне рва увеличится до трех десятков, он подошел к бойнице, смотрящей во двор, и отрывисто выкрикнул:

– Бей!

Лучники, успевшие занять позицию на узкой полоске земли за обоими примыкающими к Стрененской башне гроднями, всего несколько ударов сердца спустя пустили в воздух целый рой стрел! Губительным градом обрушились они сверху на скопившихся во рву поганых, разом забрав десяток жизней покоренных монголами воев! Но остальные продолжили пробираться между вкопанными на дне колями. Запоздало поднимая щиты над головами и сжимая в руках новые лестницы, вскоре они приставили их к примыкающей к башне стенке рва и принялись карабкаться наверх. И теперь, под самими воротами, уже татары стали практически недостижимы для русских стрел...

Воевода, не ожидавший от противника подобного приема, грубо выругался. Сейчас бы хорошее бревно сбросить на поганых сверху – ведь смело бы всех, кто поднимается! Или хотя бы камни им на головы кинуть... Да только ничего ведь не заготовлено! Он даже воям от прохода в воротах приказал покуда отойти, чтобы татары стрелами не достали!

– Горазд! Скачи к сотенному голове Еремею, передай мой наказ – пусть наши вои бревна, что от башни остались, на агарян сверху кидают, с лестниц сбивают! И ратников не жалеть – когда ворог плотной толпой полезет, на месте враг стоять крепко!

Гонец понятиливо кивнул и кинулся к сходням, спеша скорее отправиться выполнять поручение воеводы. А сам Ратибор уже зычно воскликнул, обращаясь к нетерпеливо ожидающим свой черед вступить в схватку дружинникам:

– Полусотня воротной стражи, занять проход в башне! Встречайте врага у рогаток, не дайте им разобрать их! Лучники, прикрывайте дружинников! Да не менее чем двумя десятками!

Отдав приказ и убедившись, что вои восприняли его (сотенный голова, вон, уже принялся строить полусотню ратников с тяжелыми червлеными щитами и крепкими рогатинами в плотную колонну!), воевода тихо, с легкой досадой произнес:

– Эх, нужно было убрать рогатки из прохода и выкатить телеги из ворот к самой кромке рва! Развернуть их боком к поганым, чтобы от стрел укрыться, да камни, в них нагруженные, кидать сверху на тех, кто по лестницам поднимается... Да поздно. Вон татарове уж наверх-то забрались...

С этими словами (стараясь, впрочем, чтобы его никто не услышал) Ратибор вновь приник к бойнице во внешней стене, став сбоку от нее. Так можно не бояться частенько влетающих в узкие проемы татарских срезней и в то же время следить за всем, что происходит непосредственно под стенами. По крайней мере, участок у ворот видно отлично...

Первый десяток-полтора нехристей, кстати, уже действительно миновали ров и бросились в проем ворот, к рогаткам. Они принялись хватать их руками, пытаясь сдвинуть с места, но крепкий мороз и обильно вылитая на преграду вода сделали свое дело, крепко сцепив дерево и землю! Впрочем, продержались бы рогатки все равно недолго, хватило бы пары резких, дружных рывков, но... Когда лед уже затрещал, в поганых ударили русские стрелы, перелетевшие через головы спешащих к ворогу дружинников!

А дальше началось настоящее истребление покоренных: каждого, кто пытался приблизиться к преграде и хотя бы попытаться отодвинуть ее, стронуть с места, тут же поражал стремительный и точный копейный выпад. И вскоре телами агарян было усеяно все пространство перед рогатками, причем в два ряда! Дружинников поддержали лучники, а самих ратников, укрывшихся за ростовыми щитами каплевидной формы, было ой как непросто поразить...

Схватка складывалась для русичей столь успешно, что в какой-то момент Ратибор, прекрасно знакомый с изменчивостью ратной удачи, всерьез забеспокоился, что монголы вновь пустят в ход горшки с зажигательной смесью. Как ранее в схватке в воротах Стрененской башни! Но на самом деле за горючее земляное масло воевода беспокоился зря: Бурундаю – а осадить Ижеславец хан Батый назначил одного из лучших своих полководцев – оставили не очень большой запас горшков с огнесмесью на основе нефти. Потому вновь забрасывать ими упорно сражающихся дружинников татары не стали, вместо этого темник вновь ввел в бой тургаудов.

Последние, вдвойне озлобленные новыми потерями и не столь значительным, сколь болезненным поражением в утренней схватке, едва ли не бегом бросились в атаку. Впрочем, затажной, не слишком быстрый бег закованных в броню воев, привычных к конной сшибке, а не к пешему бою, был вовремя замечен воеводой. И, как только тургауды принялись спускаться по лестницам в ров, Ратибор зычно воскликнул, обращаясь к лучникам:

– Бронебойными готовьсь!

Русичам потребовалось всего несколько ударов сердца, чтобы выхватить из колчанов отдельно хранящиеся стрелы с узкими гранеными да долотовидными наконечниками. А следом со стены уже раздался отрывистый клич:

– Бей!!!

Вновь сорвался в воздух целый рой оперенной смерти, вновь миновал двухскатные крыши, венчающие гродни, и отвесно обрушился на спешившихся телохранителей покойного Бури! Закричали раненые тургауды, полетели с лестниц погибшие, кого достали на спуске в

ров русские стрелы! Впрочем, большинство поганых продолжило движение вперед, закрываясь поднятыми над головами щитами, у некоторых воев лопнувшими или расколотыми... А дружинники воротной стражи меж тем перебили уже всех покоренных из первой волны атакующих и ныне замерли на месте, бодря друг друга боевыми кличами и искренне радуясь своей первой победе!

Но вот показались в проеме ворот монголы с копьями-чжидами, оснащенными крюками для стаскивания всадников противника из седла. Закрылись вороги щитами от русских стрел, летящих через головы дружинников, дожидаются, когда накопится уже значительное число их для атаки...

Однако же вместо татар удобного момента дождался воевода:

– Лей масло!

Второй чан с кипятком обрушился на поганых, дико, нечеловечески завизжавших от боли, – долго же ждали дружинники приказа Ратибора, грея в чане льняное масло! А следом за ним уже полетели вниз горящие стрелы, поджигая ошпаренных вояк...

От дикого вопля погибающих в пламени агарян дрогнули их соратники, остановили движение, в страхе смотря на мечущиеся от нестерпимой боли живые факелы, слепо кидающиеся на дно рва... Но дикий крик сотников погнал турга-удов вперед: второго за один день отступления – да еще и без боя! – Бурундай им точно не простит! Так лучше уж честная смерть в бою, чем позорная гибель от рук палача!

Два десятка отборных багатуров погибло, не успев даже вступить в бой, но вскоре их места заняли другие. Прорвавшись сквозь губительный град русских стрел да насмотревшись на обезображенные огнем трупы соратников, большинство их уже заранее приготовились к неизбежному концу! Но перед тем они жаждали забрать как можно больше жизней оруситов...

Выждав немного и вновь собрав наверху небольшой отряд (очередной чан с маслом русичи не то что нагреть – набрать не успели!), поганые густо полезли вперед, переступая через трупы покоренных да поднимая копыя над головами. При этом в первом ряду их пошли вои с саблями и щитами, прикрывая соратников, держащих чжиды обеими руками... А приблизившись к русичам, монголы разом обрушили их вниз, стремясь захватить крюками червленые щиты! В ответ дружно ударили рогатины дружинников, ранив и убив нескольких щитоносцев, но нехристи по команде десятников уже рванули свои копыя назад и в стороны, раскрывая дружинников, держащих щиты лишь одной рукой... И в этот же миг лучники третьего ряда агарян разом спустили тетивы своих мощных составных луков, отправляя в полет стрелы практически в упор!

Пришел черед русичам испить горькую чашу смерти. А покуда пали впереди стоящие дружинники, тургауды бросились к рогаткам, схватились за них и лихо рванули на себя преграду, вырывая дерево из сковавшего его льда! Но не успели они еще полностью освободить проход, как бешено накнулись на них ратники воротной стражи, и завязалась в проходе Набатной башни лютая сеча грудь в грудь, уже без всякого строя! Пошли в ход топоры да сабли, ножи и кинжалы, принялись неистово рубить друг друга вои с обеих сторон – одни защищая свою землю, забыв о страхе смерти, а другие именно им и подгоняемые...

Совсем иначе сложился бой на месте Стрененского надвратного укрепления, обратившегося в груды обугленных бревен. Часть их защитники действительно скинули на головы тех, кто поднимался по лестницам со дна рва, сшибая татар вниз. Однако слишком сильной оказалась стрельба врага, отправляющего в поднывших на завал русичей сотни срезней! Пришлось отступить им к узкой цепочке надолбов, что уже успели вкопать в землю за воротами, да ждать, когда поганые покажутся в проходе...

Вскоре первые лучники из числа покоренных действительно поднялись на завал и все до единого пали под градом русских стрел! И вторая волна поганых была поголовно истреблена «оперенной смертью». Но после татары полезли уже гуще, и с каждым мгновением их число

все росло и росло... Ратники же, в большинстве своем ополченцы, не удержавшись, сами бросились на врага, спускающегося с преграды вниз! И откуда агаряне, с трудом миновавшие завал, вступали в бой небольшими ватагами, их успешно кололи копьями, рубили топорами, оглушали палицами да резали засапожными ножами...

Но, словно прорвавшаяся сквозь плотину вода, что вначале струится вниз лишь тонкими ручейками да стремительно набирает силу, рать поганых разрасталась, и напор их становился все более мощным. Уже и лучники их прочно засели на гребне завала, уже и потеснили агаряне к надолбам три сотни ополченцев, также несущих потери! Спешно принялись покидать примыкающие гродни ратники, с ходу вступая в бой и не давая разорваться полукольцу воев, сдерживающих татар. Но и Бурундай, видя успехи второго штурмующего отряда, бросил на помощь ему оставшуюся сотню тургаудов павшего Бури, добавив также сотню собственных телохранителей, – усилить атаку покоренных!

Впрочем, и Ратибор вовремя заметил опасность. Вновь изготовились к схватке сотни конных дружинников на случай, если сумеет враг прорваться! А воевода принялся спешно снимать ратников со стен, направляя к месту схватки новые сотни ополченцев... В это же время уцелевшие русичи отступили после яростной сечи в воротах Набатной башни, получив долгожданную передышку. Ее подарили дружинники, уже в третий раз вылив на головы поганых чан с кипящим маслом да воспламенив его. Слыша жуткие крики соратников за спиной, монголы вынужденно ослабили напор, не получив подкрепления! Понесшие тяжелые потери (за каждого павшего русича тургауды платили жизнями двух своих воев), они не стали преследовать полтора десятка уцелевших защитников врат. И дорого за это заплатились! Потому как, освободив проход, ратники тут же пустили навстречу врагу телеги с камнем, побив закрепленными на возах копьями нескольких человек, да перевернули их, создав вторую преграду...

Воевода между тем встал перед очень непростым выбором. С одной стороны, прорыв поганых в крепость состоялся, и, несмотря на большие потери нападающих, они продолжали теснить ополченцев. Было понятно и то, что рано или поздно враг прорвется и сквозь Набатную башню, так что по всему выходило лучше отступить в детинец!

Так-то оно так, однако... Слишком мала внутренняя крепость, чтобы вместить в нее не менее двух с половиной тысяч русичей! И если запасы еды изначально перенесли в детинец, то источников воды в нем может просто не хватить. Не говоря уже о крышах над головами, а ведь чай зима! На морозе вдоволь не поспишь, а то и вовсе замерзнешь...

Вскоре Ратибор принял решение – рискованное и явно не то, что ожидал от него противник! Отправив гонца к защитникам Пронских врат с приказом следовать к Набатной башне, воевода повел навстречу прорвавшимся в град татарам имеющимся под рукой ратников. По пути же отряд еще и усилился покидающими гродни воями... Однако вместо того чтобы влить эти сотни в ряды русичей, из последних сил сдерживающих врага на линии надолбов, он принялся строить пешцев клином, выведя на его острие самых лихих бойцов в лучших бронях! Одновременно с тем воевода передал конным дружинникам наказ строиться клином с противоположной стороны от сражающихся. А самим ополченцам – рубить надолбы, пока это возможно! Наконец, чтобы удержать татар, по его приказу из детинца выступили свободные полусотни воев, не занятые на стенах, и поспешили к месту схватки...

А дальше события понеслись буквально вскачь, и изменить хоть что-то в изначальном плане воевода уже просто не мог...

Переброшенные на острие атаки, разгоряченные схваткой и жаждой мести тургауды Бури и самого Бурундай прорвали истончившуюся цепочку ополченцев, буквально вырубив всех, кто встал у них на пути! Заприметив прорыв, воевода не стал уже ждать, чтобы нанести удар одновременно, и над сражающейся крепостью прогремел его боевой рог! Да только из-за криков сражающихся и барабанов поганых конные дружинники все одно его не услышали...

Однако же Михаил, сотенный голова гридей, сам верно оценил момент и все ж таки успел бросить закованных в броню всадников в бой! Перейдя на тяжелый галоп, русичи буквально протаранили крыло поганых, отрезая их от завала и полуокружив уже прорвавшихся! Но едва ли не в один миг истребив несколько десятков поганых, павших от уколов кавалерийских рогатин, стоптанных тяжелыми жеребцами и порубленных саблями да чеканами, гриди и сами завязли в массе спешенных покоренных...

Пешцам же Ратибора пришлось перейти на затяжной бег, и все одно они успели к месту схватки гораздо позже атаки дружинников. Но даже уставшие, тяжело дышащие, русские вои нашли в себе силы с яростью наброситься на давних врагов – половцев, вставших под знамена монголов, а также мокшан и хорезмийцев. Засверкала в лучах солнца сталь топоров и копий, быстро обагрившаяся кровью, потеснили ополченцы татар, пробиваясь навстречу всадникам! Да все же окончательно отрезать поганых, замкнув гибельное для них кольцо, русичи уже не смогли... Зато рьяно бьют по нехристям лучники, по приказу воеводы вставшие за спины сражающихся, едва ли не каждая пущенная ими стрела находит цель в дикой скученности прущих вперед агарян! А Ратибору меж тем удалось даже закрыть прорыв за спиной тургаудов последними подошедшими с восточной и южной стен войми...

Но сами ханские телохранители уже ударили навстречу спешащим из детинца ратникам, и закипела схватка на кривых улицах Ижеславца! Причем битва здесь вскоре распалась на десятки отдельных схваток, где, увы, чаще побеждают искушенные в битвах отборные монгольские вои... Несущие, впрочем, немалые потери и оставшиеся без поддержки сражающихся едва ли не в окружении соратников!

Однако же гибельное для татар кольцо воеводе замкнуть так и не удалось. Всадники, поначалу добившиеся значительных успехов, завязли, оказавшись при этом в гуще вражеских воев. Хорошо защищенные кольчугами, чешуйчатой или дощатой броней, умелые в брани гриди побили множество татар! Но лучники поганых, оседлав завал и уже проникнув в оставленные защитниками крепости гродни, принялись метко, точно бить по дружинникам из мощных составных луков. Неся значительные потери именно от вражеских стрелков, сотенный голова Михаил развернул оставшихся всадников и сумел прорваться с ними из гущи покоренных! Но уцелело при этом всего восемь десятков ратников...

Быстро таял и клин ополченцев, поначалу прорвавшийся в толпу нехристей да вставший на пути тех, кто шел на штурм по вновь насыпанной дамбе из сушняка. В этот раз поджечь ее было уже просто некому... Силы русичей быстро таяли в бешеной рубке, и, заметив это, стоящий позади сражающихся Ратибор отправил во все концы Ижеславца гонцов с призывом к войм спешно отходить во внутренний детинец!

...Намертво встали в проходе Набатной башни ее уцелевшие защитники да полусотня воротной стражи, поспевшая на помощь от Пронской! Прикрывают они ценой собственной жизни отход соратников... Всего пять-шесть шагов оставалось сделать поганым, чтобы вырваться на простор да окружить горстку уцелевших оруситов... Но вместо того чтобы пройти их, татары сами вынуждены отступать под бешеным натиском опытных пешцев-дружинников! – Бей!!!

Разом русичи колют рогатинами в длинном выпаде по команде сотенного головы Славена! Разом шагают шесть десятков гридей, отталкивая от себя агарян и переставляя вперед тяжелые червленые щиты! Падают от мощного толчка единым целым атакующих оруситов покоренные да еще уцелевшие тургауды, и на земле их тут же добивают... Наученные горьким опытом, высоко поднимают щиты вои, закрываясь от падающих на них чжид с крюками, не дают раскрыть себя да перебить срезнями! А где не успевает кто поднять щит, так его прикрывает следующий позади соратник, цепляя древком рогатины падающее вниз древко монгольского копыя или же топором сбивая опасный крюк...

А в тяжелой для обеих сторон сече у сожженной Стрененской башни уже и лучники русичей взяли в руки топоры, последним напряжением сил ополченцы сдерживают поганых! Да только сил этих на один удар да на один вдох... С минуты на минуту разорвется истончившийся уже вдвое строй защитников Ижеславца! А ведь в детинец отступили еще не все вои, спешащие во внутреннюю цитадель с дальних концов града да столпившиеся теперь у ее единственных врат...

Вышли из схватки тургауды, потеснившие да рассеявшие полусотни орусутов, спешащих на помощь к своим... Ведомые выжившими сотниками, монголы спешно сбиваются в кулак, желая ударить в тыл защитникам крепости, живой стеной вставшим на пути покоренных! Едва ли сотня набралась уцелевших телохранителей темников Бури и Бурундая, но и их удара будет достаточно, чтобы обратить врага в бегство! А после уже всей силой обрушиться на отступающих к детинцу воев да на плечах их ворваться во внутреннюю твердыню...

Разглядел новую опасность Ратибор, поскакал навстречу тургаудам – один поскакал! Потому как некого уже ему бросить навстречу нехристям... Только часто и громко затрубил рог смелого мужа, взывающего к конным дружинникам, и сражающиеся на последнем пределе ополченцы, слышав его да завидев скачущего назад воеводу, стали по одному, по двое да по трое, а где и десятками выходить из схватки да быстрее бежать, потому как ворог уже на плечах висит... Сломался строй русичей едва ли не в единый миг, побежали они, рискуя оказаться зажатыми между молотом преследующих их татар и наковальной вставших на их пути монголов!

Однако же опасность разглядели и конные гриды, до поры переводившие дух. Сотенный голова Михаил принялся действовать решительно: резко, отрывисто командуя, он тут же построил десятки уцелевших ратников клином, на острие его выведя воев с уцелевшими копьями. Не мешкая, буквально с места бросили дружинники своих жеребцов в галоп по сигналу сотника, обгоняя пешцев и разгоняясь для тарана!

Хороши тургауды в сече, закованы в прочную броню, вооружены самыми лучшими мечами да саблями и палашами... Но копыта чжиды остались от силы у каждого третьего, да и строем плотным воевать они не приучены – не построить им «ежа» против летящих во весь опор орусутов! К чести ханских телохранителей стоит признать, что они не побежали, а все же замерли на месте, вслушиваясь в резкие команды джагунов-сотников...

Но когда тяжелые жеребцы орусутов, под копытами которых задрожала земля, доскакали до монголов... Когда склоненные к пешцам рогатины с огромной, набранной на скаку силой ударили в уцелевшие щиты да хуяги, раскалывая дерево и пробивая сталь, когда в центре сотни несколько человек буквально взлетели в воздух от страшного тарана разогнавшихся животных, тогда ханские телохранители, непривычные драться пешими против конных, забыли про свое мужество и честь, про грозное наказание за бегство! Забыли обо всем и бежали, охваченные первобытным ужасом перед неотвратимой смертью, да были истреблены русичами в спину – все до единого сгнули под яростными ударами сабель и чеканов гридей, выместивших на тургаудах всю злобу за павших соратников...

Дружинники спасли бегущих ополченцев. А когда Ратибор доскакал до всадников, развернул их лицом к собственным пешцам да вновь гулко затрубил в рог, первые ряды ополченцев застопорили свой бег.

– Еще немного продержитесь, вои, еще немного! Остановим их среди домов, нас им тут не обойти!

Послушались вои своего воеводу, вновь обратились к ворогу! И действительно, поначалу преследующие их татары не смогли обойти орусутов в лабиринте кривых улочек и закоулков Ижеславца, в отличие от Пронска застроенного не по плану. И хотя невероятно тяжел стал топор для натруженной руки русского ратника, но ведь и сабли в руках половцев и хорезмийцев

уже не порхают, также сильно устали в сече поганые... А ведь к закату уже клонится солнце в короткий зимний декабрьский день, ночью же поганые отступят!

...Кто первым зажег оставленные жителями деревянные дома, доподлинно неизвестно. Может, сами защитники града, чтобы не досталось поганым брошенное добро да отличные укрытия и теплые жилища. Или стремились они отрезать путь ворогу, что вернее... А может, и сами татары, разгоряченные битвой и ведомые желанием убивать и разрушать! Или же в отчаянии оттого, что избы орусутов оказались пусты... Ведь не раздобыть в них еды, не взять с боя сладко пахнущую славянскую девку с белоснежной кожей и тугими грудями да налитыми бедрами! Многие половцы, идя на штурм, о том мечтали, вот из-за злобы своей да разочарования и начали жечь...

Как бы то ни было, деревянные постройки разгорелись быстро – неожиданно быстро для обеих сторон. А тут еще и ветер к вечеру поднялся, стремительно перекидывая пламя с одного дома на другой да запирая в огненных ловушках истребляющих друг друга людей! И тогда сеча стала затихать сама собой – смертельно уставшие мужи принялись искать пути к спасению, отступая каждый в свою сторону. Впрочем, кто-то продолжил драться в иступленной ненависти друг к другу... И погиб – кто от русского топора иль половецкой сабли, а кто, потеряв чувства от страшного жара да задохнувшись от дыма...

К ночи губительное, страшное в своей мощи пламя охватило уже весь град, пощадив только детинец! Не зря воевода приказал убрать любые деревянные постройки рядом с внутренним валом – правда, он это сделал, чтобы лишить врага возможных укрытий... Но теперь, смотря на невиданное им ранее зрелище огненного шторма с высоты надвратной башни (единственной в цитадели!), Ратибор мог честно похвалить себя за разумный ход. И хотя тяжело, невероятно тяжело было на сердце воеводы при виде уничтожающего Ижеславец пожара, именно он позволил последним уцелевшим ополченцам беспрепятственно отступить в детинец. Теперь же за его стенами укрылось две тысячи ратников, большая часть оставленного ему войска, и взять его врагу будет ой как непросто! Да, тысяча воев сегодня пала – возможно, лучших воев. Но ведь по всем прикидкам, поганых они истребили втрое больше...

Мог ли знать Ратибор, что только в этот самый миг его размышлений пал сотенный голова Славен, пронзенный сразу несколькими пущенными в упор стрелами? А вместе с ним и последние три дружинника воротной стражи, так и не пустившие врага в крепость, покуда бились их сердца...

Глава 3

– ...То есть как не будете строить пороки?! Как не оставили мастеров?!

Пленный мокшанин угрюмо промолчал, поджав губы и волком, исподлобья на меня посмотрев. Один из множества воев своего племени, привычных к топору и работе с деревом, кого монголы отправили в лес – рубить лестницы и собирать вязанки хвороста. Да только отошел он от своих слишком далеко, на радость броднику Ждану, умельцу укрываться хоть в лесу, хоть в речных камышах да нападать из засады. Последний взял с собой на «дело» Завида и Мала, и к чести братьев-половчан (как и нашего ехидного соратника), справились они отлично, внезапно напав из укрытия на мокшанина да оглушив его тяжелым ударом топорщица по голове. Пленника русичи протащили к нам буквально на своих загривках, и вот он сидит передо мной. Угрюмый, настороженный, жалкий и беспомощный – явно ведь не ожидает для себя ничего хорошего! И замолчал он, уже ответив на вопрос в первый раз, не потому, что весь такой смелый и хочет поиграть в партизана, вовсе нет. Он испугался удивления, злости, недоверия в моем тоне и теперь боится повторить свой ответ еще раз – боится, что навлечет на себя мой гнев!

Словно нашкодивший ребенок, зараза...

– Переведи ему. Скажи, что от честности его ответа зависит и его жизнь. Спроси, наверняка ли он знает, что в обозе туменов Бури и Бурун-дая не осталось мастеров осадного дела? Наверняка ли он знает, что темник не собирается строить пороки?

Кречет, исполняющий при мне роль толмача, повторил все в точности на языке мокши. Пленник внимательно выслушал дядьку, и от моего ищущего взгляда не укрылось, как в глазах его всего на мгновение промелькнула такая отчаянная надежда, что стало аж не по себе... На лице поганого отразилась напряженная внутренняя борьба, длившаяся, впрочем, всего несколько секунд, после чего тот собрался с духом и быстро что-то затараторил. Бывший вожак Елецкой сторожи, а ныне цельный сотенный голова покивал головой, когда наш язык закончил свою речь, и с нескрываемой горечью произнес:

– Его зовут Пиор. И он говорит, что уже строил пороки, когда поганые брали крепости болгар, он знает мастеров с далекой восточной страны, кто умеет их создавать. Вождь монголов, хан Бату, не оставил ни одного из этих мастеров темнику Бурундаю, так как первая на их пути крепость орусотов слишком мала, чтобы ради нее строить пороки. Ведь после их будет сложно передвигать даже по речному льду. А когда монголы дойдут до по-настоящему большой и сильной крепости, Бату потребуются все восточные умельцы, чтобы быстро возвести камнеметы...

Немного помолчав, Кречет добавил уже от себя:

– Не похоже, чтобы он врал, Егор.

Я и сам понял, что пленник не врет, и оттого сердце мое буквально ухнуло в пятки!

– Ну, коли так, все мы здесь в глубокой...

Продолжать я не стал, понимая, что речевой оборот, коий я хотел бы использовать, у местных не в ходу, и меня могут понять неправильно. Впрочем, судя по лицам собравшихся, кто был полноценно знаком с планом князя Юрия Ингваревича (по сути, составленного-то именно нами!), и так уже осознали, в какую глубокую лужу мы сели голой ж... Блин.

Блин!!!

– Вопрос теперь: что делать?

Собравшиеся переглянулись. Помимо воеводы елецкого Твердислава Михайловича в узком кругу командиров заседают тысяцкий Захар Глебович, старший над схоронившимися в лесах дружинниками, да пара его сотников из числа наиболее доверенных людей. Тысяцкий, еще относительно молодой муж (на вид лет тридцать пять – сорок), несколько худоща-

вый, по местным меркам, и на удивление жгучий брюнет с темными карими глазами, кажущимися в наступающих сумерках совсем черными (потомок ижеславльских берендеев, не иначе!), коротко бросил:

– Нужно крепость и ратников выручать.

Остальные важно закивали головами, на что я лишь зло хмыкнул:

– Благими помыслами выложена дорога в ад – может, слышал? Желание твое действительно благое, воевода, да только как ты себе это представляешь? Как мы сможем помочь осажденным?!

Захар Глебович зло сверкнул глазами да заиграл желваками – ух, как вскипела в нем сейчас горячая, восточная туркменская кровь! Однако ответил тысяцкий вполне сдержанно:

– Ударим, как и собирались, по лагерю поганых. Они ведь даже не стали окружать крепость частоколом – вылазки не боятся! Тем более из Ижеславца. Снимем ночью их дозор, вырежем, сколько успеем, спящих, а после всей силой атакуем ставку темника! Поднимется переполох, татары спросонья не поймут, каковы наши силы, а мы еще воев с рогами вокруг их лагеря пустим трубить каждый миг, как начнется уже сеча. Вот ворог и подумает, что наши силы велики, что атаковало их все княжье войско! А к тому времени и из крепости Ратибор ударит всей мощью...

Обратим вспять поганых, побегут агаряне, только и останется их в спину рубить!

Судя по тому, как завелся тысяцкий да с каким жаром он закончил речь, Захар действительно верит в успех ночной атаки. Да и сотники его вон поддержали своего воеводу дружными одобрительными кивками без тени сомнений на лице – так, словно подобный, насквозь авантюрный трюк проворачивали не раз, причем все время успешно! Что хуже того, на лице уже Кречета и Твердислава Михайловича я увидел напряженную работу мысли, при этом с явным одобрением сказанного тысяцким! Раздраженно мотнув головой, я безапелляционным тоном, не терпящим возражений, резко бросил:

– Нет! Это самоубийство, что не принесет никому пользы! Как наши вои сумеют развеять дозоры вражеские в ночной тьме? Монголы – это вам не половцы, у них строгий порядок во всем. Внезапного удара не выйдет, тревогу успеют поднять! А значит, никакого вырезания спящих, никакого прорыва к ставке темника! Останься у вас хотя бы лошади, еще можно было бы рассчитывать на лихой кавалерийский удар, но лошадей нет. И если на то пошло, Бурундая охраняют лучшие из лучших монгольских воев – тургауды. Они точно не побегут, даже если бы их действительно атаковала вся княжья рать, скорее уж поголовно примут смерть, чем бросят темника! Мы просто завязнем в их рядах – тургаудов у Бурундая числом не сильно меньше нашего... А какая помощь явится из Ижеславца, ты можешь сказать, тысяцкий? Сколько воев осталось у воеводы Ратибора, сколько конных дружинников?!

К моему удивлению, Захар Глебович нисколько не смутился, а ответил на этот раз вполне спокойно, с этакой уверенной основательностью в голосе:

– Две тысячи воев сейчас у воеводы Ратибора. Из них наберется сотня конных дружинников, к утру их можно будет вывести из города. Успеть только разобрать без лишнего шума завал на месте сгоревшей Стрененской башни, а перешеек через ров поганые уже и сами насыпали. Пещев же после короткого отдыха переправить через крепостную стену подземным ходом, он ведет в пойменный лес. Оттуда они смогут подступить с северной стороны к лагерю поганых... Мы же сможем ударить с восточной, и сотня жеребцов для конных гридей у нас имеется! А людей к шатру темника я поведу сам! Ну а остальные уж на лыжах... Даже если снять дозор не выйдет, то ударим по спящему лагерю с трех сторон, да четырьмя отрядами. И немалой силой – под три тысячи воев!

Судя по просветлевшим лицам собравшихся, последним план тысяцкого пришелся вполне по душе, хорошо хоть его не поставили над нами старшим по умолчанию! Князь Юрий

Ингваре-вич сохранил за нашим партизанским отрядом статус автономности, а то бы потомок берендеев сейчас просто приказал бы нам, как старший по званию, и все!

А так, слава Богу, у меня осталось право голоса, и я не преминул им воспользоваться, как только Захар закончил говорить:

– Сила немалая, три тысячи воев. Против четырнадцати-пятнадцати тысяч поганых! Да их едва ли не впятеро больше! Тысячи две мы, может, и положим в начале боя, но остальные на нас всем миром навалятся да числом задавят. Это вам не половцы, это монголы и покоренные ими – сразу уж точно не побегут, пока темник жив. А он в любом случае спасется – не хватит сотни всадников доскакать до его шатра да успеть сразить Бурундая прежде, чем его спасли бы телохранители! Нет... Атака, пусть и на спящий лагерь, это самоубийство. А кто тогда после нашей гибели пороки агарян сожжет?

Неожиданно в нашу перепалку вмешался Кречет:

– Так и две тысячи своих ратников бросать в Ижеславце – разве дело? Им съестных запасов успели собрать всего на две седмицы. Тысяча воев погибла, значит, оставшимся в детинце их можно будет растянуть дней на двадцать. А после?

Слова дядьки хоть и подействовали на меня, как ушат холодной воды, однако с главным его посылом я просто не мог согласиться – с позиции именно здравого смысла, а не чувств:

– А после татарва отсюда сбежит. За двадцать дней они успеют съесть все свои запасы и после либо разбегутся, либо все полягут под стенами града. Либо же возьмут детинец, что вернее! Но, обороняясь в крепости, две тысячи ратников смогут нанести врагу гораздо больший урон, чем если бы они сражались с татарами в поле или даже напали бы на спящий лагерь. И как ни крути, но здесь и сейчас защитники града привязали к себе не менее четырнадцати тысяч поганых, еще порядка трех погибло всего за один день! Это лучший расклад, гораздо лучший, чем если ударить, как предлагает тысяцкий голова, да глупо погибнуть в поле, перебив столько же агарян, сколько их погибнет при штурме детинца!

– А ежели ударить не по лагерю, а по выпасам татар? Скот и лошадей они охраняют крепко, но именно со сторожей поганых наших сил будет достаточно, чтобы справиться. И подмога из Ижеславца не потребуется! Наоборот, своим поможем. Нам будет достаточно отбить хотя бы часть лошадей да погнать их перед собой по льду реки вместе с отарами овец да быками, чтобы у нехристей стало нечего жрать уже в ближайшие дни.

Ждан, приведший пленника и до поры стоящий в стороне, но внимательно слушающий разговор командиров, теперь неслышно подобрался к нам практически вплотную и огласил на удивление дельное предложение. Возбужденно встрепенулся тысяцкий, словно услышал какую радостную весть, одобрительно закивали головами сотники. Я, в свою очередь, благодарно улыбнулся броднику, после чего обратился ко всем присутствующим:

– Ну что, все согласны? Ударим по выпасам, угоним часть скота и лошадей, после чего последуем за ушедшей ордой?

Переглянувшись со своими людьми, Захар Глебович коротко, односложно ответил:

– Да.

Я кивнул тысяцкому, после чего продолжил:

– Но в таком случае необходимо заранее приготовить рогатки и собрать весь оставшийся запас железных роголек. Думаю, наш отряд с Кречетом и Твердиславом Михайловичем вновь перекроет реку – дадим вашим дружинникам время отогнать скотину и лошадей как можно дальше. Что думаете, други, удивим нехристей напоследок?

– Еще как!

– Елецких ратников поганые запомнят надолго!

Верные соратники горячо поддержали мою инициативу, после чего я подытожил результаты обсуждений:

– Чтобы подготовиться да обойти крепость лесом, выйдя к выпасам, нужно время. Если поспешим ударить уже этой ночью, люди к утру на ногах стоять не будут... Нужно время, хотя бы один день. Как думаешь, Захар Глебович, детинец так быстро поганым не взять?

Тысяцкий мотнул головой, после чего твердо, уверенно ответил:

– За день точно не возьмут. Но лучше ударить днем – люди успеют отдохнуть, а спешенная рать поганых будет занята штурмом крепости, и рядом с выпасами останутся не столь и многочисленные сторожи. Удар все равно выйдет внезапным, да еще и часть вражьего войска отвлечем на себя, ослабив штурмующих.

Коротко обдумав озвученное, я согласно кивнул, с удовольствием отметив про себя, что именно за мной, простым сотенным головой, осталось последнее слово:

– Добро!

...Прошедшей ночью в детинце Ижеславца не смолкал стук топоров, а пламя страшного пожара скрывало отблески многочисленных костров, что топили снег и прогревали землю до самой полуночи. Воевода Ратибор усиленно готовился ко второму штурму, уже примерно понимая, как будет действовать враг, и стремился предупредить его действия. Несмотря на нехватку жилых домов для размещения дружинников, все постройки за сто шагов от ворот были разобраны, а за внешним кольцом стен вырос пусть и невысокий, но настоящий глухой тын. Ведущие на стены сходни за его пределами были срублены, а защитники града разделены на две части, ведь для обороны детинца вполне хватает пяти сотен воев, да за тыном встало столько же. Остальных (кто трудился всю ночь!) удалось разместить на отдых в уцелевших избах, сенниках и конюшнях, единственном тереме и даже внутри маленького деревянного храма...

Конечно, построить за ночь настоящую прочную стену с двумя рядами частокола и заполненным между ними землей и камнем пространством было невозможно, как и срубить верхнюю площадку для стрелков. Но вдоль тына русичи развернули в ряд все наличные в детинце телеги, покрыв их поверху настилом – как раз для лучников. А в гроднях с внутренней стороны было нарублено вдвое большее число бойниц! И наоборот, большинство внешних едва ли не наглухо перекрыли досками, остались разве что маленькие щели для слежения за ворогом...

Русичи даже не стали разбирать деревянный мостик, ведущий через узкий ров к детинцу. Разве что в предрассветных сумерках его тщательно очистили ото льда и снега, пропитали смолой, расплавленной серой да льняным маслом... И когда поганые с первыми лучами солнца стали осторожно заходить в крепость, минуя внешний обвод стен, перед их удивленными да настороженными взглядами предстали распахнутые настежь створки ворот цитадели: заходите, мол, ждем!

Заходить, впрочем, они не спешили – понимали, что ворота раскрыты не просто так, что очевидно. их ждет очередная уловка, хитрость орусутов. Судя по напряжению и той медлительности, с коей татары вообще проникли внутрь Ижеславца, они ожидали увидеть ряды пещцев и лучников, встречающих их у воротных башен и пролома! Однако же ожидания их не оправдались, принеся в души агарян легкое облегчение... И одновременно с тем заставив их сердца тревожно сжиматься от неопределенности да потаенного страха: мудрят орусуты, готовят какую-то опасную подлость!

Что же, чуйка не подвела поганых. Но и путь внутрь детинца всего один – сквозь ныне «гостеприимно» распахнутые перед татарами врата! А ведь Бурундай предполагал, что ров вновь придется засыпать, теряя людей под стрелами защитников, и что, возможно, орусуты вновь сумеют сжечь насыпь! Что его нукеры все же подпалят деревянные створки оставшимися горшками с зажигательной смесью, и что вновь придется ждать, пока она прогорит, прежде чем ломать воротины. Что внутри узкого прохода вновь придется долго и упорно сражаться

с могучими пешцами орусутов, вооруженными тяжелыми копьями и защищенными крепкой кольчатой броней илчирбилиг хуяг...

Но ни одно из этих ожиданий не оправдалось! И хотя сам Бурундай ни на мгновение не сомневался в том, что его людей действительно ждет засада, темник отрывисто приказал отправить покоренных в атаку. Для истинного монгола их жизни были легко приходящей разменной монетой, не вызывающей особой жалости при потере. А учитывая, что запас продовольствия и отары скота таяли с каждым днем и что покуда на земле орусутов монголы так и не смогли разжиться требуемым количеством съестных припасов, взять крепость было очень важно! В цитадели наверняка найдется достаточный запас еды, и завладеть им гораздо важнее, чем пожертвовать парой сотен покоренных. Ведь иначе потери среди ослабевших от недоедания и уже умерших от голода нукеров вырастут многократно...

Ударили барабаны, заревели рожки – и мужи мокши, половцев и хорезмийцев, гонимые злыми командами десятников и сотников, неспешно двинулись к надвратной башне детинца, сливаясь на ходу в единую многочисленную колонну. На крылья ее поспешили сотни щитоносцев да лучников – прикрыть соратников от стрелков орусутов, что вскоре начнут бить по ворогу из гродней! Правда, тащить с собой здоровенные заборолы татары в этот раз не стали – те могли просто застрянуть в воротах, да и через завал их перенести было бы ой как непросто...

Однако ожидаемый град стрел со стен так и не встретил агарян. Первые ряды нукеров с плохо скрываемым страхом в сердцах миновали мост и проход в башне, а после увидели перед собой тын за сотню шагов от ворот. Испуганно озираясь по сторонам, они чересчур медленно вступили во двор детинца, но, подталкиваемые в спину соратниками и подгоняемые монгольскими начальниками, татары двинулись вперед, ускоряясь с каждым мгновением. В конце концов, тын не столь и высок, не перехвачен сверху рубленным замком, скрепляющим частокол, а значит, эти бревна можно вывернуть из стены даже арканами, закинув петлю сверху!

Ободренные тем, что гродни детинца орусутов молчат, а из-за тына не раздастся ни звука – будто крепость целиком вымерла или покинута защитниками! – поганые уже бодрее принялись разбегаться по площади. Кто-то в поисках сходней, желая подняться на стену, а кто-то уже принялся закидывать петли на бревна частокола, пробуя его на прочность... Прошло совсем немного времени, едва ли четверть часа, прежде чем все свободное пространство за воротами было занято сотнями покоренных, принявшихся активно рубить тын и выворачивать из него бревна без всякого сопротивления орусутов!

Но когда первый заостренный поверху дубовый ствол был наконец завален, и особо любопытный половец сунулся в брешь, посмотреть, что там да как, его встретил короткий точный укол меча, пронзивший живот степняка! Раненый воин упал, дико визжа от боли, а за тыном взревел рог! И тут же над частоколом поднялись десятки русичей, распрямившихся на помосте из телег, а мгновение спустя в воздух взвился град сулиц, разя поганых в упор! Ожили полетевшими вниз стрелами десятки бойниц, смотрящих во двор детинца, а еще больше срезней вылетело из-за частокола, где в несколько рядов встали все ополченцы, кто умеет стрелять из луков! Град монгольских и половецких срезней, собранных вчера защитниками града да за ночь починенных, жестко хлестнул по поганым, оборвав разом несколько десятков жизней завоевателей, разбойников и убийц, пришедших незваными на Русь...

Наконец, не менее дюжины зажженных, до того вымоченных в расплавленной сере стрел вылетело из внешних бойниц надвратной башни, ударив в бревна мостка. Не все они попали в цель – не менее половины угодило в щиты да самих татар. Но остальные вонзились в дерево, пропитанное зажигательными смесями, и всего за несколько мгновений под ногами покоренных буйно вспыхнуло пламя! Бешено заорали, заверещали половецкие да мокшанские вои, хорезмийские гулямы, когда языки огня лизнули их ноги! Стали спешно (и слепо) спрыгивать агаряне вниз... Прямо на густо стоящие под мостком заостренные колья!

Пять сотен татар (хотя теперь уже десятков на семь-восемь меньше) в одночасье оказались в смертельной ловушке, отрезанные от своих жарким пламенем да рвом, на дне которого их ждут свежееобструганные кольца, еще пахнущие деревом... И в скученной тесноте поганых, сгрудившихся на открытой и простреливаемой со всех сторон площадке, редко когда летящие вниз сулица или срезень не находят цели!

Злобно стиснул зубы нойон Бурундай, узнав, как провел его воевода орусутов! Впрочем, он давно смирился с тем, что потеряет первых нукеров из числа покоренных, кто войдет в цитадель, разве что не ждал, что в ловушке окажется столь много воинов... И все же их гибель будет не критична для его туменов, хотя и довольно чувствительна. А потому темник не растерялся, а сохранил лицо и внешнее спокойствие на глазах ближников и телохранителей. Недовольно сощурившись, он лениво бросил гонцу-туаджи:

– Пусть нукеры кипчаков и мордуканов берут лестницы и идут вперед прямо сейчас. Штурм мы не остановим, а когда мост прогорит, закидаем ров вязанками хвороста. Сегодня крепость орусутов падет! А иначе я...

Закончить свою речь темник не успел: к его ставке на взмыленном коне подскакал еще один гонец-туаджи, дико вскричавший уже загодя:

– Мой господин! Орусуты напали на выпасы скота и лошадей! Их много, несколько сотен! Большинство вышло на лыжах из леса, но есть и конные, они атаковали с севера – с реки! Стража практически вся истреблена!

Бурундай злобно скрипнул зубами, после чего взревел уже во всю мощь легких, обращаясь к своим телохранителям – единственным во всем войске, кто сейчас важно держался в седлах, верхом на невысоких монгольских жеребцах:

– Тургауды, скачите быстрее к выпасам! Нужно остановить орусутов!

Глава 4

Азыд со своим десятком сидел вокруг потрескивающего, весело горящего костра, едва ли не захлебываясь от обильно выступившей во рту слюны. На треноге над огнем висел большой медный котел, а в котле варились остатки бараньей тушки; точнее, нескольких бараньих тушек разом! Кипчаки – а храброго, но уже немолодого монгольского воина поставили старшим именно над кипчаками – уговорили своего арбаная приготовить шорбу, хорошо знакомое им и любимое блюдо. Конечно, Азыд предпочел бы печеного на вертеле мяса, пригорающего с внешней стороны и сочного, еще истекающего кровью внутри, с неповторимым дымным ароматом! Но, увы, с едой, а особенно мясом, в последнее время стало туго. Большая загонная охота в степи, устроенная монголами по осени, перед самым нападением на орусутов, кормила их несколько седмиц. Поначалу нукеры ели свежую убоину, а после, уже в походе, питались вяленным мясом, хорошо хранящимся на морозе...

Однако монгольская армия, привыкшая подчистую грабить покоренных, рассчитывала пополнить запасы муки и зерна, а также поголовье скота в пределах земель орусутов! Казалось, что это не будет сложным, ведь, по донесениям лазутчиков, поселения землепашцев густо разбросаны вдоль рек; собственно, лазутчики не соврали... Вот только трусливые орусуты прятались в лесах, схоронив все свои запасы! Еще ни одного толкового грабежа у монголов не получилось... Зато сколько раз из чаши раскинувшихся на речных берегах лесов в доблестных нукеров Бату-хана летели разящие стрелы?! Даже чингизид Бури, молодой правнук великого Чингисхана, пал от одной из них!

Злые, трусливые люди живут на этой земле, не хотят умирать, не хотят отдавать свое добро, своих женщин великим и грозным монгольским воинам! И сама земля орусутов – злая! Она изматывает нукеров степи трескучими морозами и снежными заносами на их пути, скрывает лучников врага от внимательных взглядов дозорных...

– Арбанай, не пора ли бросить в воду пшено?

К Азыду обратился молодой Ильчин, чем-то напоминающий бывалому монголу собственного старшего сына, отчего последний относился к кипчаку чуть более милостиво, чем к остальным. Десятник важно кивнул – и в жижу, куда накидали полуобглоданных костей с остатками мяса на них, полетела заранее прокаленная на огне и оттого вздутая крупа, очень быстро разваривающаяся в воде. Хорошо бы бросить в варево также и твердые шарики специально высушенного со специями творога – курута, что могут храниться долгое время... Но, увы, курут кончился уже как несколько дней, да и пшенной крупы осталось совсем немного! В последнее время заметно сократилось и поголовье овечьих отар – если раньше одной бараньей тушки было достаточно, чтобы накормить весь десяток, то ныне разрешалось съесть лишь ее треть. А нукеры, что пошли сегодня на штурм деревянной крепости орусутов, и вовсе ничего не ели с заката прошлого дня! Впрочем, это и правильно – у голодного есть хотя бы крохотный шанс выжить, коли получит стрелу в живот... Зато десяток кипчаков Азыда, что охраняет выпас стреноженных монгольских лошадей, способных проломить передними копытами твердый, едва ли не ледовый наст и раскопать под снегом замерзшую траву, имеет возможность поесть! У животных, кстати, с кормом также тяжеловато в последнее время, вот и стараются коняшки раздобыть себе пропитание даже под снегом...

К чести обозников стоит признать: они не воровали у своих. А в общий котел нукеры сбросили кости, что были оставлены ими на предыдущих дневках. Ильчин молодец, придумал эти самые кости с остатками мяса сохранить на морозе и позже сварить из них шорбу, тщательно выварив до такой степени, чтобы все мясо растворилось в похлебке. Густая, ароматная, с насыщенным вкусом и разварившейся в ней крупой шорба хороша всем, кроме того, что ее приходится очень долго готовить! Но ничего, десяток поставил котел на огонь, как только

рассеялись сумерки, заранее отойдя к самой оконечности выпаса – ближе всего к лесу. Иные нукеры стараются держаться от темной чащи подальше – летящие из-за деревьев стрелы и пропадающие в глуби дубрав воинские отряды вызывают у особо впечатлительных суеверный страх! Но Азыд был уверен – на них орусуты не нападут. До самой крепости они обстреливали лишь головной тумен, устраивали засады передовому отряду да дозорам и перекрывали реку рогатками, вмороженными в лед. Значит, будут делать так и впредь! Потому его людям беспокоиться нечего – орусуты ушли вслед за ордой... А вот нукеры других десятков до последнего не учуют аромат шорбы – и никто не сунется к ним просто так, случайно!

И до ее готовности осталось подождать уже совсем немного...

Легкий шелест в воздухе, а после короткий свист прервал умиротворенное ожидание десятка. Ильчин, потянувшийся к котлу со второй порцией пшена, вдруг сильно дернулся, а после неверящим взглядом уставился на свой живот.

Чуть выше пупка в нем обнаружилось торчащее из плоти короткое древко болта, пущенного самострелом, а из глубокой раны вниз бодрым ручейком побежала кровь... В следующий миг кипчак истошно завопил, еще не от боли, что он даже не успел почувствовать, а от ужаса перед скорой и неотвратимой смертью. Хотя молодой нукер пока еще отказывался в нее поверить... Мгновение спустя Азыд уже вскочил на ноги, развернувшись к лесу, но крик его замер на губах, едва вырвавшись из горла, пробитого вторым болтом...

Арбанай упал на обжигающе ледяной снег, и последнее, что он успел разглядеть своим гаснущим взглядом, была тонкая цепочка лыжников, спешно бегущих от леса к выпасам. А уже на грани яви монгол успел расслышать яростный боевой клич елецких ратников:

– Се-е-е-ве-е-е-р-р-р-р!!!

– ...Се-е-е-ве-е-е-р-р-р-р!!!

Резким ударом развернутой вниз сабли сбиваю древко нацеленного в грудь копыта и тут же обратным движением рублю наискось, обрушив острие на голову кипчака! В кисти от удара отдает острой болью, а враг, пронзительно вскрикнув и выронив копьё, падает на снег, орошая его кровью из широкой раны! Соратник погибшего, схватившийся за составной лук, рухнул на спину с рассеченным молодецким ударом Ждана горлом, все еще крепко сжимая в пальцах обрубок древка и не отправленный в полет срезень... А я уже ныряю вниз, глубоко присев и пропустив над головой хищно свистнувший палаш подскокившего справа врага! Встречным движением пластую его живот наточенным лезвием сабли, скользнувшей по вражьей плоти чуть ниже плетеного щита... А распрямившись, едва успеваю принять очередную атаку противника на поднятый перед собой клинок, подставив под удар его плоскость! Шаг вправо вперед, разворот корпуса, разгоняющий контратаку, – и наточенная русская сталь рассекает кольчужную бармицу вместе с шеей татарина, отвратительно скрежетнув по позвонкам...

– Егор, справа!

Резкий окрик бродника заставляет меня развернуться к новой опасности – бешено скачущему ко мне монголу, нацелившему стальной наконечник чжиды в мою грудь! На бесконечно долгое мгновение я буквально цепенею от сковавшего тело страха перед стремительно летящим на меня животным, высоко выкидывающим перед собой копыта, и сверкнувшей на солнце отточенной сталью!

Но прежде чем монгол поразил бы меня копьем, в шею его жеребца впивается срезень! Оглушительно заржав, скакун на бегу рухнул набок, придавив собой отчаянно вскрикнувшего наездника – я ошарашено оглянулся назад, ища взглядом своего спасителя. И, словно приветствуя меня, с победной улыбкой склонил голову замерший шагах в двадцати справа Завид, по-прежнему сжимающий составной лук в руках.

– Спасибо, друже!!!

...Чтобы охватить как можно большую площадь выпасов и, как следствие, угнать как можно больше лошадей и скота, от леса мы пошли тонкой, растянутой цепью, из луков и арбалетов сняв всех, кто оказался на виду. Но когда уже достигли животных и начали резать пути на лошадях, со стороны татарских сторож, ведомых арбанаями-монголами, последовала бешеная контратака! Причем рассеянные десятки поганых изначально вступали в бой с меньшим числом дружинников, порой разрывая тонкую цепочку рязанских ратников. Однако каждый раз на помощь атакованным товарищам приходили те, кто двигался вперед справа или слева, и в конечном итоге сторожи были в буквальном смысле вырублены.

Чуть отойдя от короткой яростной схватки, я встал на недавно сброшенные лыжи и поднял из снега палки, после чего окинул взглядом ратников, «подковой» гонящих отары скота и лошадиный табун к реке. Помедлив всего пару секунд, стараясь отдышаться, я снял с пояса боевой рог и прижал к губам, предварительно глубоко вдохнув... В следующий миг над заснеженным полем, бывшим летом роскошным пойменным лугом с густой высокой травой, раздался условный сигнал из трех повторяющихся протяжных громких звуков. И тут же из леса вынырнули вои сотни (хотя, вернее сказать, уже полусотни) Кречета, сжимая в руках за ночь сбитые рогатки, а от «подковы» отделилось несколько десятков моих собственных ратников и дружинников Ельца.

– К реке, братцы, поспешим к реке!!!

Наш двухсотенный отряд, играющий роль щита остальной дружины, занял позицию на левой оконечности цепи – ближе всего к монгольскому корпусу, осаждающему Ижеславец. Такое решение – самое правильное и рациональное, хотя и несет в себе определенную опасность... Например, не успеем мы вовремя выставить заграждение из рогаток на реке – и поганых придется тормозить стеной из собственных щитов и тел, что в любом случае очень быстро истончится... И потому, как только мы перебили все татарские сторожи на своем участке, я подал сигнал – и вои устремились за мной.

А теперь вот мы со всех ног дружно бежим на лыжах к Проне, судорожно глотая морозный воздух широко раскрытыми ртами и уже на берегу начав разбрасывать остатки запасов «чеснока»... Зараза, как при этом мешаются саадак и колчан, прицепленные на пояс – кто бы знал! Во время схватки их даже не замечал, а тут...

– На лед поберегите рогульки железные! На лед!!! Здесь ельчане свой запас разбрасают...

Наклонившись и чуть присев в коленях, переносу вес тела вперед и скатываюсь на лыжах с невысокой горки на речной лед, покрытый утоптаным сотнями лошадей снегом. И тут же щедро швыряю перед собой горсть имеющегося «чеснока», после чего кричу дружинникам:

– Все свои рогульки рассыпаем здесь! А рогатки ставим за сотню шагов!

Мои ратники выезжают на лед следом, принявшись активно разбрасывать на участке шириной шагов в двадцать и протяженностью во все русло Прони «противотанковые ежи» на минималках, зато с заостренными шипами. Как ни кинь, всегда один заостренный конец будет смотреть вверх, ожидая, когда на него напорется неподкованное копыто монгольского скакуна... А вот вся целиком елецкая сотня занимает позицию на низком берегу чуть позади и левее нас. Соратники ударят во фланг подступающим по реке поганым и ненадолго задержат их, коли последние попытаются обойти рогатки по вполне проходимому участку бывшего пойменного луга. Мои же бойцы отступят за линию рогаток к воям Кречета – по крайней мере, так было задумано.

– Эгей, смотрите! Уже скачут! И это не кипчаки – тургауды, судя по броне! Ну-ка, вои, быстрее рассыпайте – и назад! Быстрее!!!

Первым избавившись от собственного запаса «чеснока», я неотрывно следил за татарами, осаждающими град, и первым увидел во весь опор скачущих к нам всадников в сверкающих на солнце ламеллярных панцирях. Они приближаются к нам столь стремительно, что от вне-

запно подступившего страха ноги на мгновение стали ватными, но, взяв себя в руки волевым усилием, я тут же предупредил своих бойцов. И первым же подал пример, показав врагу спину, защищенную перекинутым на нее щитом, и что есть силы начав катить на лыжах в сторону рогаток!

Благо, что рогульки мы практически уже все рассыпали...

Расстояние между нами и тургаудами изначально было довольно значительным, но сокращается оно крайне стремительно: все же по речному льду, кое-где присыпанному снегом, а кое-где и открытому, на широких лыжах не разгонишься. А монгольские телохранители считают себя заговоренными, не иначе, раз гонят со столь бешеной скоростью по Проне – и как не бояться, что лошадь поскользнется да навернется на полном скаку? Хорошо, что отары их скота и лошадей мы выгнали именно на реку, показав противнику цель! И по всему видать, преследуют нас не наученные горьким опытом гвардейцы павшего Бури, а воины Бурундая, что слышали о «подлых» уловках с «чесноком», да в пылу погони о них совсем позабыли!

Ну ничего, напомним... Главное, успеть убежать! Того, что всадники настигнут нас на скаку, я особо не боюсь – рогульки железные конным так просто не пройти! Другое дело, если начнут обстреливать – по крайней мере, их мощные биоконпозитные луки позволят достать нас до того, как сами монголы напорются на «ежи»... Это понимают все ратники, а потому наш стремительный драп со стороны выглядит как суматошное, испуганное бегство. И оно обязательно будит в преследующих нас инстинкт охотника, заставляя тургаудов ускоряться все сильнее!

...Тот миг, когда с легким свистом и шипением на нас обрушились монгольские срез-ни, я пропустил, разгоряченный бегом. Просто в какой-то момент в спину вдруг что-то чувствительно ударило, а где-то в стороне, слева, раздался пронзительный крик боли... Обернувшись, я краем глаза успел разглядеть торчащее из щита оперенное древко, а после увидел ратника, присевшего на лед с пробитым стрелой бедром, и, поколебавшись всего секунду, бросился к нему.

Однако моя помощь оказалась абсолютно лишней – к дружиннику с обеих сторон подбежали его соратники и рывком поставили на ноги. Двигаясь как единое целое, троица воинов пошла вперед, но со скоростью гораздо меньшей, чем у прочих лыжников, что неминуемо сделало русичей удобной мишенью: спустя всего пяток секунд в маленькую группу ударил град сразу из десятка срезней, свалив уже двух человек – подранка и одного из «санитаров». Второй же, злобно ругнувшись, развернулся к врагу и, выхватив из подвешенного на поясе саадака лук да стрелу из колчана, приготовился подороже продать свою жизнь...

– Ну уж нет, герой, в одиночку ты не померешь... Вой, стой!!! Луки к бою, уделаем выродков!!! Бронебойные, навесом!!!

Команду я отдаю, уже выхватив свой биоконпозит и наложив стрелу на тетиву. До рогаток остается шагов тридцать, до монголов – около сотни, не больше, и расстояние это стремительно сокращается с каждым мгновением. А значит, еще десяток секунд – и тургауды напорются на «чеснок»! Ну вот тогда и отступим, подобрав всех раненых, а пока...

– Бей!!!

Глазомер Егора и его опыт стрельбы из лука меня еще ни разу не подводили. Привычно расставив ноги на ширине плеч (носок левой смотрит на приближающегося противника), я развернулся к врагу левым боком – в таком варианте я сам становлюсь узкой и довольно сложной мишенью. Задрал левую руку с биоконпозитом вверх градусов этак под сорок пять, чтобы выпущенная стрела взлетела в воздух и уже после, описав дугу, обрушилась сверху на скачущих всадников... После чего оттянул ее оперенный конец к подбородку и, выкрикнув команду, одновременно с тем разжал пальцы на хвостовике! Стрела с граненым наконечником взлетела в воздух, и тут же к ней присоединилось еще полсотни бронебойных сестер!

Грозно зашелестев в воздухе, рой оперенной смерти устремился к тургаудам и где-то на полпути над нашими головами встретился с градом монгольских срезней. Несколько стрел, встретившись в полете, отвесно упали вниз... Завораживающая картина, если забыть, что и враг стреляет по тебе!

Негромкий шелест чего-то настолько близкого, что невольно цепенеешь от ужаса, замерев, потянувшись к колчану, – и тяжелый удар в грудь, прямо под горло, заставляет меня пошатнуться и вскрикнуть от боли! Однако же меховая накидка и прочная кольчуга защитили тело от двузубого монгольского срезня – лишь к ногам упало его обломанное древко... Поганые по каким-то неизвестным мне причинам других наконечников не используют, и это меня и спасло!

Зато наши раненые достают тургаудов, выбив не меньше десятка гвардейцев из седел да опрокинув трех всадников вместе со скакунами! Впрочем, этого было мало, крайне мало, чтобы остановить стремительный бег всадников... А оглянувшись по сторонам, я с болью в сердце заметил, что упало наземь уже не меньше пяти моих раненых ратников...

Но тут вдоль скученной на льду Прони колонны кочевников ударил град из полусотни арбалетных болтов, выпущенных ратниками Твердислава Михайловича! И залп елецкой дружины был как минимум вдвое результативнее – не менее двух десятков бронированных монголов просто вышибло из седел! Правда, от середины колонны тут же отделился довольно внушительный отряд ханских телохранителей, направивших своих лошадей на снег низкого берега, навстречу ельчанам...

Как вдруг истошное, оглушительное конское ржание огласило окрестности!

Неподкованные жеребцы, напоровшиеся с разбега на «чеснок», плохо различимый в утоптанном снегу (особенно когда во весь опор скачешь на замерших пещцев врага!), дико, оглушительно взревели, падая на лед или пытаясь встать на дыбы! При этом их еще и таранят напирющие сзади животные, чьи наездники так и не успели затормозить... А мгновением спустя к реву лошадей добавился и отчаянный крик монголов, придавленных сотнями килограммов живого веса и также напоровшихся на рогульки при падении! Узкие, тонкие и довольно длинные жала «ежей» как нельзя лучше подходят для пробития любого доспеха...

А в воздух из-за спины уже взлетели стрелы полусотни Кречета, и всего удар сердца спустя к ним добавились наши собственные дары смерти все с теми же бронебойными наконечниками...

– Все, уходим! Помогите раненым!!! И сразу к лесу, сразу!

Вдобавок к своим словам я вновь прижал к губам рог и в этот раз протрубил в него лишь единожды, подав сигнал отхода и дядьке, и воеводе. Да, на льду теперь образовался настоящий завал из туш животных и людских тел, здесь противник еще не скоро пройдет. Но уж больно резво тургауды бросились в обход по низкому берегу – коли промедлим, окружат! А в ближней сшибке мы бронированным гвардейцам не соперники...

Стараясь замедлить противника, второй арбалетный залп дали ратники Ельца, пока еще на пределе боя самострелов. Эх, всем хорошо это оружие, только перезаряжается долго!

– Твердислав Михайлович, отводи людей, отводи!!!

Мой отчаянный крик, как кажется, заглушает рев раненых людей и животных. Но когда я уже вновь хотел затрубить в рог, на грани слышимости вдруг различил знакомый голос воеводы:

– Мы прикроем! Третий раз стрельнем и тоже отступим!

Что же, раз так... Прикрытие нам действительно не помешает – вои Кречета только вступили на берег, а мои вои буквально на руках тащат нескольких раненых. Заготовленные волокуши дожидаются нас только на границе леса, а до него ведь еще нужно успеть добежать!

Так что пускай порубежники нам помогут...

Проходит всего пара-тройка минут заполошного бега, а я уже едва ли не выбился из сил! Тяжело хрипя и в очередной раз стерев стекающий в глаза пот со лба и бровей, я замираю на месте – осмотреться и хоть немного восстановить дыхание.

Что же, с отарами овец и лошадьми получилось вполне успешно! Конные дружинники Захара Глебовича обогнули скотину по льду и успели отогнать ее на полверсты – так, что хвост колонны теперь уже едва ли не теряется из вида. А остальные гриди, вставшие на лыжи, также отступают к лесу – довольно спешно, метрах в трехстах впереди нас. Если что, на помощь поспеют, но лучше бы этого «если что» не случилось...

Обернувшись к противнику, я замер в предвкушении – ворог уже практически поравнялся с полоской «чеснока», разбросанного в снегу у берега! Всего пару мгновений спустя первые всадники добрались до рогулек – и вновь раздалось оглушительное лошадиное ржание, вновь на снег валятся скакуны с отчаянно кричащими наездниками!

Вот только на берегу полоса преграды вышла заметно уже, и усеяна она «ежами» не столь густо. Не менее половины следующих впереди тургаудов сумели прорваться сквозь нее без потерь, хоть и замедлились... Но в следующую секунду в них ударил третий залп арбалетных болтов! После чего вои Твердислава Михайловича спешно встали на лыжи и устремились к лесу...

– Поспешим, братцы, нужно быстрее уходить!

Вновь несколько минут заполошного бега – и вот спасительная полоса деревьев уже в двадцати шагах от нас... Но, в очередной раз обернувшись, я замечаю, что монголы, после непродолжительного замешательства сумевшие миновать линию «ежей» (пусть и не без потерь!), уже практически нагнали елецких ратников! Несколько порубежников пали, сраженные стрелами, да не менее десятка воев сгинуло под копытами, саблями и копьями тургаудов, пытаюсь помочь своим раненым, а в итоге принявших смерть в одиночку... И хотя нас с ельчанами разделяет метров сто двадцать от силы, ханские телохранители догонят их вдвое быстрее, чем те поравняются с лесом...

– Эх, братцы, еще чуть-чуть поднажать вам...

Тихо проговорив это себе под нос, я закричал уже гораздо громче:

– Вои! Раненых – на волокуши! Остальные – приготовить луки! Бьем бронебойными, навесом, на полтора шага! Как только наши приблизятся, отрезаем их от погони!

Дружинники Кречета, только-только поравнявшиеся с нами, также замирают на месте, вытягиваясь в одну линию и изготавливаясь к стрельбе. Вот он, момент истинной проверки мужских душ и сердец! Замерев на месте, мы ведь и сами подставляем... Сложно это – вновь рисковать собой, когда спасение столь близко! Но никто не дрогнул, не попытался трусливо отступить в дубраву... Не зря говорят – русские своих не бросают! Видать, издревле эта святая истина была известна нашим воинам!

– Бей!!!

В воздух кучно взмывает под сотню стрел, и, описав широкую дугу, они градом хлестнули по вырвавшимся вперед тургаудам. Наземь падает немного поганых, может, всего десяток, но это весь десяток панцирных всадников, едва не настигших наших соратников... Да и густо впившиеся в снег стрелы – какое-никакое, а препятствие для монгольских лошадей...

– Бей!!!

Очередной залп бронебойных даров смерти уже гуще врезается во врага. Потери монголов растут, заставляя их замедлиться и даря драгоценную фору нашим соратникам, но и в ответ уже летят вражеские срезни. Пока, правда, неприцельно – перед нами падают... Но это же и хорошо – ведь поганые куда оставили в покое дружинников Твердислава Михайловича!

– Бей!!!

Очередные вырвавшиеся вперед гвардейцы падают наземь, пронзенные двумя-тремя стрелами вместе с лошадьми, и это становится последней каплей, охладившей пыл степняков.

Играет нам на руку и то, что совсем близко к лесу татары свой скот не подводили, и здесь снег не вытопан... Что заставило тургаудов поневоле сбавить темп! Часть наездников уже и вовсе замерли на месте, правда, натягивая при этом тетивы своих биоконпозитов...

– Щиты!!!

Сам я едва успеваю перехватить свой собственный из-за спины да кое-как закрыться им, одновременно присев: так меньше шансов, что срезень зацепит незащищенную ногу. Моему примеру следуют и прочие вои – как раз вовремя! Сверху на сотню густо посыпались монгольские стрелы...

В этот раз мне крепко везет – ни один дар смерти не угодил в щит и даже не упал рядом. А выглянув из-за кромки щита, я обнаружил, что преследующие нас вороги замерли, а большинство их и вовсе разворачивает лошадей к реке – видно, вспомнили, что скот их угнали... Но самое главное, ельчанам осталось добежать до леса всего с полсотни шагов, и ханские телохранители их уже никак не нагонят!

– Все, братцы, отходим к деревьям! За ними укроемся – вороги не достанут! А мы сами поганых теперь и из чащи достанем!

Глава 5

Наколов кусок наполовину пережаренной, наполовину сырой баранины на нож, я с некоторым усилием оторвал от него зубами небольшую часть, после чего с легкой грустью понял – все, больше не могу. Это вам не замаринованный с минералкой, долькой лимона да лучком, наструганным полукольцами и едва ли не равным мясу по весу, солью и специями шашлык, приготовленный на покрывшихся седым пеплом углях! Его действительно можно есть, пока совсем плохо не станет... И не верченое мясо, что русичи доводят до ума на небольшом огне, равномерно запекая со всех сторон (сама технология исполнения, кстати, очень близка к курам гриль или заготовке начинки для шавермы). Но все же, когда вечером мы наконец встали на привал, догнав всадников Захара Глебовича, первые порции зажаренных целиком на кострах бараньих туш пошли диво как хорошо! Ибо вкус обуглившегося сверху и практически сырого внутри мяса, что каждый посыпал солью из собственного кисета (хотя у кого запаса не нашлось, с тем соратники без вопросов поделились) – м-м-м, тогда казалось, что это вкус победы! А если учесть, что все мы с утра не жрамши, то первый восторг по поводу этого кулинарного «шедевра» был вполне логичен...

Но съев уже столько, сколько мой желудок в принципе смог принять, я сбросил надкушенный кусок в снег. Неслыханное расточительство в обычный день! Но в том-то и дело, что трапеза сегодня как раз и необычная – когда ведь еще придется перебить столько скотины да есть до отвала, покуда плохо не станет?!

Впрочем, трапезы ведь могло и не быть. Днем все вполне могло пойти по худшему сценарию...

Захар Глебович осадил все еще тяжело дышащего Воронка и с тревогой обернулся – нагоняют! Хоть ельчане и оставшиеся с ними вои задержали поганых, дав его дружинникам увести скотину подальше, да своим лошадям отдых ведь тоже нужен... А вот монгольские кони будто двужильные – продолжают преследовать его гридей в одной поре! И если поначалу удалось оторваться от нехристей и увеличить разделяющее русичей и татар расстояние на бегу, то как только вои дали своим жеребцам отдых, так оно сразу же стало медленно, но верно сокращаться.

Задумался воевода, крепко задумался. Выходит, слухи о выносливости коней агарян правдивы, а раз так, те могут и не отстать. Уже версты три ведь отмахали, и ничего! А между тем скот да лошади, похищенные русичами, для врага жизненно необходимы – без них татарам придется осаду снимать. Ведь, судя по рассказу полоняника, еды нехристям явно не хватает, а тут еще и последний скот увели! Да вдобавок уходить из-под стен Ижеславца им придется пешими... Нет, животина им просто необходима, причем уже для выживания. Так что русичи скорее своих жеребцов загонят (между прочим, боевых жеребцов, для конного боя выращенных, а не для скачек!), чем татары их в покое оставят...

Решение пришло быстро – его подсказала Захару Глебовичу сама природа. Русло Прони впереди сужалось и сильно изгибалось вправо так, что за поворотом высокого берега ничего не было видно. Верные скакуны еще не отошли от быстрого бега, но пока монголы приблизятся, животные уже должны успеть отдохнуть... И ведь при этом даже низкий берег переметен снегом так, что поганым никак не обойти по нему русичей!

– Славка, спешивайся, поднимайся на кручу. Будешь с нее смотреть на реку да следить за татарами. Как приблизятся к повороту на полторы сотни шагов, трижды громко вороном каркнешь, понял?

Смышленный гридень из молодого пополнения понятиливо кивнул и тут же спрыгнул с седла, протянув поводья своего коня соратнику из десятка. А воевода меж тем обратился к другому порученцу:

– Алешка, а ты давай к лесу, наших постарайся встретить! Ведь вдоль реки должны идти, не углубляясь в чашу... А значит, скоро уже должны появиться. Хорошо бы им нам помочь, когда здесь завязнем! Коли поганых в спину обстреляют, так и то хлеб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.